

Светлана Дунькина

Обратитесь
к небесам...

12+

Светлана Дунькина
Обратитесь к небесам...

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Дунькина С. Н.

Обратитесь к небесам... / С. Н. Дунькина — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Человек в этот мир чаще всего приходит один. Чувство одиночества знакомо и близко каждому из нас, но иногда жизнь ставит нас перед фактом, который нельзя предсказать или предугадать. Смерть, болезнь, катастрофа не спрашивают разрешения, не готовят нас. Они просто молниеносно врываются в нашу размеренную жизнь и переворачивают все с ног на голову. Возможно, в этой книге вы сможете найти рецепт примириться с действительностью, когда умирает кто-то очень близкий вам. Это не панацея, но для кого-то сопереживания героине книги может стать толчком к новой жизни. Главное — верить!

© Дунькина С. Н., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава

1

Из главного здания больницы вышла молодая женщина. Шуба из чернобурки была распахнута, а белая вязаная шаль свисала на один бок. Казалось, что еще немного и пуховое чудо соскользнет с ее плеч на грязный снег, покрывающий асфальтовую дорожку.

Чуть больше месяца назад девушке исполнилось 28 лет. Она была красива. Но в данный момент тонкие черты лица приобрели неестественную жесткую форму. Никто из ее знакомых и близких людей не смог бы сейчас узнать в ней ту, которая была всегда душой компании: умела играть на гитаре, могла рассказать анекдот и философский опус так, что любому человеку становилось все понятно в независимости от настроения и образования. Ее опущенные плечи, медленно перебирающие кончик шали маленькие пальчики, безжизненный взгляд говорили о полном отсутствии интереса к реальной суматохе города. Ее разум пытался решить задачу, которая была чужда и противна ее натуре. Легкий морозец пытался украсить ее лицо румянцем, но его нежные и легкие щупальца не прибавляли бледному лицу никаких красок.

Девушка вышла через чугунные ворота больницы, оглянулась по сторонам и направилась к автобусной остановке. Её обычный «кошачий» взгляд потерял свою соблазнительность и блуждал по лицам прохожих. Холодный и потерянный, таким его не видел никто. Она продолжала осматриваться по сторонам. Ей не хотелось, да и не могла она заметить любопытных и удивленных взоров, направленных на неё. Некоторые прохожие пытались понять, как же ей не холодно в распахнутой шубе, в то время, как на улице злобствовал дерзкий утренний морозец. Он проникал через теплые куртки и пальто, шубы и пуховики, застегнутые на все пуговицы, молнии и заклепки.

Подойдя к остановке автобуса, девушка остановилась около табачного киоска. Уже долгое время у нее не возникало желания покурить, но сегодня организм потребовал легкой табачной дымки. Желание втянуть в себя никотиновую струю – единственно сильное стремление, которая она ощущала каждой клеточкой своего тела. Ей казалась, что именно сегодня воспаленный мозг хочет ощутить этот вредный туман, в который иногда можно погрузиться после длительного перерыва.

– Можно мне пачку «Winston» супер-слим и зажигалку?

– Зажигалку какую? – раздался голос продавщицы где-то из-под прилавка.

– Мне совершенно все равно. Главное, чтобы она работала.

Продавщица подала сигареты, зажигалку, сдала сдачу и погрузилась обратно в глущину своего маленького рабочего пространства. «Неужели можно весь день просидеть в этой клетке?» – подумала девушка, отрывая защитную ленту с пачки. С третьей попытки зажигалка все-таки смогла выдать искру, и пламя тонким кольцом охватило сигарету. Первая затяжка, вторая, третья... Теперь можно было остановиться и прочувствовать этот давно забытый привкус во рту. Конечно, это не самое умное решение, которое человек мог принять в критической ситуации, но на что-то иное – у девушки не было ни сил, ни желания. Да и времени на долгие размышления особо не было.

Постепенно мысли стали выстраиваться в некое подобие прямой, формулироваться, возникая из небытия растерянности и недоумения. «Можно постоять со всеми и подождать автобуса. С другой стороны, общественный транспорт никогда не отличался пунктуальностью, соблюдением графика. Зато у меня будет возможность потянуть время искусственным путем... Но что мне это даст? Разве лишние 10-15 минут спасут меня от жуткого разговора? Разве за это время что-то изменится в этом мире? Разве все вернется?» Прошло еще несколько минут. Докуренная почти до конца сигарета выброшена в урну. Решение было принято. Она выпрямила плечи, взглянула на часы и подняла руку, останавливая проезжающую машину.

–

До Суворовского проспекта довезёте?

–

Садитесь, – ответил водитель и сам приоткрыл дверцу молодой пассажирке.

Попытка шофера завести разговор не увенчалась успехом. На все его замечания о погоде, других водителях и русских дорогах пассажирка отвечала спокойным и отрешенным молчанием. Именно по этой причине он почувствовал определенный дискомфорт: в салоне царил гнетущая и пугающая тишина. Иногда водитель замечал, что девушка пытается сосредоточить свой взгляд на разделительной полосе. «В ее красивой головке явно что-то происходит», – подумал шофер, но вслух уже ничего не произнес. А девушка пыталась проиграть в голове предстоящий разговор со своим другом. Она прекрасно понимала, что ее собеседник после услышанной новости не сможет ничего сказать. Но для нее было важно, что бы ее выслушали, а еще важнее, чтобы приняли ту действительность, которую наша жизнь иногда преподносит людям вопреки их желанию. Говорят, что плохая новость сама находит своего абонента, но быть вестником этой черной информации ей не хотелось ни сейчас, ни в будущем. Но жизнь иногда не дает нам права выбирать роли. Некоторые вещи происходят с нами только по тому, что кто-то наверху посчитал то или иное событие судьбоносным, решающим именно для нас.

Через тридцать минут машина подъехала к подъезду высотного дома. Несколько секунд девушка смотрела в сторону жилого здания, но не делала никакой попытки выйти. Водитель слегка кашлянул. Наконец-то оцепенение как мягкое, легкое и пушистое одеяло слетело с пассажирки: она расплатилась за поездку и вышла. Решительным шагом она направилась к ближайшему подъезду, но зайти не решалась. Девушка стояла перед железной дверью. Ей хотелось бежать с этого двора, хотелось спрятаться у себя в комнате под теплым пледом, отключив телефон и дверной звонок. Сейчас ей даже хотелось умереть, лишь бы не выполнять того долга, который толкал ее к подъездной двери. Неожиданно она нащупала в кармане шубы пачку. Для собственной совести это было не плохим оправданием. Перекур продолжался 15 минут. 15 минут борьбы страха, сомнений и надежды, что все еще может измениться. Но время утекает очень быстро, быстрее, чем маленький огонек на кончике сигареты. Сделав глубокий вдох, девушка, наконец-то, вошла в подъезд, вызвала лифт и поднялась на десятый этаж. Когда она нажала кнопку звонка, в глубине квартиры послышались звонкие переливы, и дверь почти сразу распахнулась.

–

Алёна, как хорошо, что ты заехала! Я уже почти готов. Можем ехать. Кофе выпьешь?

Девушка молча кивнула и прошла в квартиру. Открывший ей тридцатилетний мужчина сразу же направился на кухню. Это был обычный ритуал, который как бы приглашал гостью следовать за ним. Молодой человек был одет в потёртые джинсы и серый свитер. Он был слегка полноват, как и все женатые мужчины, которых она знала. Но при этом совершенно не терял мужского обаяния. «Как только мужчина женится, он перестает напрягаться по поводу своей внешности. А с женщинами очень часто происходит наоборот: они начинают усиленно ухаживать за собой, бегают, прыгают, записываются в тренажерные залы. И все равно по той или иной причине, брак в определенный момент распадается», – пронеслось у нее в голове.

Девушка прошла за парнем на кухню. Некоторое время она не знала, что должна сделать сначала: скинуть шубу или выложить всю информацию, которая так давила на нее последние часы. Приняв решение, Алёна сняла шубу, медленно и аккуратно положила её на кресло, которое стояло около окна. Пусть со стороны, это выглядело и смешно, но она в очередной раз смогла выкрасть у жизни несколько минут для обыденной тишины.

–

Ты как-то легко одета. А ведь передавали до минус 20. Гидрометцентр опять решил подстраховаться? Там не холодно?

–

Холодно?! Честно говоря, я не знаю... Не обратила внимания, видимо... Видимо, нет, Федя, не холодно. Удивительно, я даже как-то и не обратила на это внимания. Но вот горячий кофе выпью с удовольствием.

Молодой человек наполнил две чашки ароматным напитком, поставил их на стол вместе с печеньем и пряниками и сел напротив ранней гостьи.

—

Как-то ты странно выглядишь. Ты слишком мало спала или вообще не ложились? Может быть, наконец-то, нашелся молодой человек, который смог внести в твою спокойную и отрешенную от мужчин жизнь суматоху и бессонные ночи? Расскажешь о нем? Как его зовут?

—

О чем ты? Никто не появился в моей жизни. Нет. Никого нет. Горизонт как всегда безмятежно чист. Я чаще теряю тех, кто рядом со мной, чем приобретаю новых. Просто мало спала. Просто не выспалась. Но это не очень важно в данный момент...

—

Ну почему же не важно? Ты совершенно не заботишься о своем здоровье... Вот объясни, по какой причине ты так рано поднялась? Чем ты могла заниматься так рано, что заставила свой организм испытать стресс раннего пробуждения? Я уверен, что раннее пробуждение – это жуткий стресс и для тела, и для мозга, и для эмоционального состояния, наконец!

—

Поднялась я по уважительной причине. И это не было моим решением. Да и стресс это был не очень сильный, если сравнивать... Разбудил меня телефонный звонок...

—

Вот! Сколько раз я тебе говорил, что эта твоя затея с телефоном ни к чему хорошему не приведет. И именно по этой причине мы и не хотим ставить телефон. Самые близкие всегда могут позвонить по мобильному телефону или просто прийти в гости. А те, кому нужны только стационарные телефоны, в жизнь привносят только суматоху. Могу поспорить, что ты отключаешь свой мобильный на ночь, а стационарный всегда работает. Вот из-за этого ты и не выспалась.

Девушка посмотрела в окно и обреченным голосом повторила:

—

Не ставить телефон – это, конечно, хорошая идея. Жаль, что я это поняла слишком поздно... Конечно, мобильный телефон я чаще всего отключаю на ночь. Ты прав. Есть такой грешок. А домашний... Никогда не думала, что и его можно отключить. Глупо, наверное, с моей стороны. В конце концов, не в телефоне дело.

—

Почему же не в телефоне? Ты же не выспалась именно по этой дребезжащей причине? Не по мобильному же тебе позвонили?! Давай ты для начала все-таки выпьешь чашку кофе с сахаром и пряниками. Может быть, это тебя взбодрит? А то у меня ощущение, что я с эхом беседую. Каждая твоя фраза почти полностью повторяет мою.

Алёна посмотрела на свою чашку, в которую ее собеседник всыпал три ложки сахара. «Я же не пью сладкий кофе», – подумала девушка, но промолчала и сделала хороший глоток. Молодой человек тоже сделал глоток, поморщился и добавил еще ложку сахара в свою чашку.

—

Знаешь, я как-то никогда не замечал, что Ната любит читать журналы. Я тут три купил, она вчера попросила. Ты только представь меня в газетном киоске! Я стоял напротив этих глянцевого журналов и пытался понять, какой идиот придумывает для них заголовки: «Как выйти замуж и остаться счастливой», «На какого кота он похож? Секс-правда про мужчин». Ты ведь тоже не читаешь эти шедевры? По крайней мере, я не помню, чтобы видел их в твоём доме. Сейчас принесу – оценишь...

«Ну вот. Теперь разговор все-таки попадет в нужное жесткое русло», – девушка почувствовала, что к горлу подступает комок, колючий и горячий. И прежде, чем мужчина успел встать, Алёна поймала его руку и притянула обратно к столу. Новость так сильно давила на девушку, что ей хотелось прокричать ее собеседнику, сбросить ее как ненужный груз. Фёдор удивлённо посмотрел на подругу, но послушно опустил на свой стул.

–

Федя, журналы больше не нужны.

«Вот так все просто и понятно: журналы больше не нужны, – подумала Алёна – И больше не надо ничего говорить. Федя теперь все поймет сам».

В глазах мужчины промелькнула тень страха. Но, видимо, его разум не хотел принимать логичного объяснения и пытался найти другие причины изменившегося положения с журналами. Конечно, это был банальный страх перед неизбежным. Человеческий разум не способен сразу принять и осознать жестокую действительность. Он постоянно начинает защищаться, придумывать оправдания. Это схоже с ситуацией, когда лавина сходит с горы, на которой вы находитесь – спрятаться вам уже поздно, но и сидеть, сложа руки, тоже не получается.

–

Наташу выписывают? Ты была у неё? Когда именно? – пытался схватиться за ускользающую ложь ее друг. – Неужели ты была у нее сегодня? Так рано?

–

Нет. Её не выписывают. Ей теперь ничего не надо, даже выписка. Наташи больше нет. Она ушла. Далеко ушла. Навсегда. Она больше не будет читать журналов ни этих, ни каких-либо других. Не надо журналов, – все это Алёна постаралась проговорить быстро, как будто пытаясь скинуть с себя всю ответственность. Слова по своей жестокости напоминали пули снайперской винтовки. Настоящий стрелок никогда не выбирает скорострельного оружия, его действия отточено, быстры и беспощадны, ему достаточно одно патрона. Ей показалось, что сейчас она слишком жестока по отношению к другу, но по-другому ей было бы сложно до него достучаться.

Федор смотрел в глаза девушки и пытался найти в них что-то такое, что смогло бы доказать её ложь. Но она говорила правду. Правду, которую никто не хочет говорить, никто не хочет слышать, никто не хочет принимать. Правда, в которую никто не хочет верить до последней секунды, до недосказанного слова, до неопущенных ресниц.

–

Скажи, что ты шутишь, – с дрожью в голосе произнес Фёдор, – Ты шутишь? Шутишь?

–

Разве я когда-нибудь шутила подобным образом? Что ты сейчас говоришь? Думаешь, что мне легко? Мне позвонили в 5 часов. Представляешь? И именно на домашний телефон. Я поехала в больницу. К её заболеванию добавились какие-то проблемы с кровью. В 4 часа утра её не стало. Они ничего не смогли сделать.

–

Это неправда!

–

Правда. Я тоже хочу, чтобы этот день не начинался! Я тоже хочу вернуться в тот момент, когда вчера вечером приняла душ и легла спать. Хочу забыть ту секунду, когда зазвонил телефон, когда услышала слова медсестры... Я тоже хочу, чтобы Натали была с нами: здоровая, веселая и заводная!

–

Нет! Нет! Нет! Ты говоришь совершенно безумные вещи. Ты ошибаешься! Вы все ошиблись, перепутали. Это с кем-то другим произошло! Не с Наташей! Не с Наташей! Ты видела ее? Может они ошиблись с пациенткой?

И тут он заплакал. Алёна больше всего боялась именно этого, но понимала, что так и должно было случиться. Ей не хотелось быть вестницей смерти своей подруги. Она не запрашивалась на эту роль. Она никого не просила о такой услуге. Не хотелось об этом узнавать первой. Но ведь Наталья с Федором так не хотели ставить домашний телефон, а она поставила! Но в жизни всегда происходит все именно так: чего больше всего боишься, то тебя и настигает. Она медленно встала, обошла стол и обняла друга.

—

Федя, послушай меня. Это ведь намного лучше для неё. Она теперь не страдает, не плачет от боли. Наташа теперь спокойна.

Молодой человек стряхнул ее руки со своих плеч, как будто они были скользкими и противными. Так отряхиваются от гусениц и паучков, когда гуляют по лесу.

—

Но ведь я этого не хотел! Для меня это не лучшее решение! И для нее! И для тебя! Ведь это никому не нужно! Мы ведь хотели прожить с ней очень долго. Хотели, чтобы у нас была настоящая семья: с детьми, с дедушками и бабушками, с воскресными обедами. А теперь ты говоришь, что всего этого не будет. Ты говоришь, что это намного лучше! Лучше было бы иначе! Она должна была поправиться! Должна! Ты понимаешь?

—

Я понимаю. И я не говорю, что теперь у вас нет будущего! Просто я сообщила тебе то, что теперь стало реальностью. Ничего больше! От меня лично ничего не зависело. Я ни в чем не виновата. Прости! Я тебя очень хорошо понимаю, но такова жизнь... Все это я уже слышала много раз от других, но как же противно произносить все это самой. Это несправедливо и неправильно. Такова жизнь! Такова, но в это никто не хочет верить, когда наступает время. И я в это не верю, но говорю. И других слов подобрать я не могу. Мне противно, страшно и больно, потому что не знаю, что еще я могу сказать...

—

Этого не должно было случиться.

—

Верно, но мы ничего не знаем заранее. Не можем знать...

—

Она была такая счастливая вчера... Мы уже стали строить планы... Мы так любим друг друга... любили друг друга! Я не могу это принять!

—

Вы и сейчас любите. Она навсегда останется с тобой, в твоей памяти, в моей...

—

Да что ты понимаешь? О чем ты говоришь? Тебе же никто не нужен! Ты же счастлива, что живешь одна. А я? Я не могу и не умею жить один. И она не умела. Мы всегда искали друг друга. Мы были с ней единым целым. Это у тебя полная самодостаточность! Видимо, Бог не стал создавать для тебя половинки! А я? Теперь я не могу обнять её! Не могу пожелать ей сладких снов! Не могу приготовить ей кофе! Ты это понимаешь? Я потерял свое сердце, часть разума, часть самого себя!

Его слова как пощечины били ее по лицу. Разумом она понимала, что сейчас в нем говорит боль, но ей тоже было больно и страшно от потери своей подруги. Ей тоже хотелось сейчас почувствовать чье-то сопереживание. Желание спрятаться на чьей-нибудь груди разгоралось с каждой минутой все сильнее. Из последних сил она давила в себе крик беспомощности и вой злобы. Хотя в какой-то момент девушке хотелось заорать во весь голос о несправедливости всего происходящего. Но сейчас Алёне досталась роль сильного человека, человека, который должен сообщить всем близким и родным людям самое страшное. И сейчас она просто стояла

и молчала. Больше ей добавить было нечего. Она понимала, что сам Федор не хотел бы ее обижать, это его боль острым ножом полосовала её сердце.

Алёна привыкла к тому, что многие видели в ней самодостаточного человека. Знакомые и коллеги часто подчеркивали, что ей для счастья никто не нужен. Только Наталья знала, как вечерами её подруга плакала в подушку от одиночества. Как рыдала в голос после очередного неудачного романа. Как переставала шутить и балагурить после расставания с человеком, которому доверяла свое сердце. Алёна давно научилась скрывать месяцами, что встречается и влюблена, что счастлива оттого, что рядом есть близкий человек, что есть надежное мужское плечо. Но как бы она ни старалась обезопасить свое счастье, в какой-то определенный момент она снова и снова слышала: «Нам лучше расстаться. Я не готов к серьезным отношениям, как выяснилось».

Федор беззвучно плакал и повторял, что этого не должно было произойти, что всё это неправда. Алёна прошла в ванную комнату, нашла успокоительное и заставила молодого человека выпить его. Когда гневные слова возмущения у молодого человека иссякли, девушка хотела отвести друга в спальню, но Федор стал вырываться. После очередной попытки ему удалось освободиться из объятий подруги, и он направился в прихожую.

—

Я должен отвезти журналы Наташе. Я ей обещал. Она, наверное, уже ждёт меня. Ждет меня, потому что мы договаривались. Она не могла умереть. Просто не могла. Это ошибка, жестокая ошибка. Они все ошиблись, и ты тоже ошибаешься. Ты тоже ошибаешься! Вчера всё было хорошо, и сегодня я смогу её снова увидеть.

—

Нет, Федор, ты останешься. Сейчас ты уже никуда не пойдёшь, тебе необходимо остаться. Ты должен успокоиться, обязан взять себя в руки.

Но молодой человек не хотел её слушать и твёрдо намеривался выйти. Алёна не смогла ничего придумать и просто ударила его по лицу. Несколько секунд ошеломленный Федор стоял и молчал, потом выпустил из рук пальто, которое пытался натянуть на себя, и посмотрел на девушку.

—

Послушай меня: ты никуда сейчас не поедешь! — она почти кричала на него, испугавшись, что осознанный взгляд опять исчезнет. — Ей теперь легко и спокойно, и ты тоже успокоишься и пойдешь прилечь. А потом мы поедem в больницу вместе, но только потом. Ты меня слышишь? Думаешь, мне легко? Мне тоже больно!!! Больно, черт побери!!! Но есть правда, которую нам придется принять! И я сомневаюсь, что позволю тебе еще раз обвинить меня в чем-либо! Не надо рисовать меня монстром! Все! Поидем в комнату!

Девушка направилась в спальню, напряженно прислушиваясь, следует ли за ней ее друг. Соппротивление было сломлено. Плечи молодого человека резко опустились, и он пробормотал, с горечью и обидой, которая уже не имела конкретного адресата:

—

Но Наташа даже не попрощалась со мной... Она не прочитала журналы, которые я купил. Он медленно побрел в спальню, а когда увидел кровать, то со слезами бросился к подушке.

— Это не правильно! Это не должно было случиться с ней! Не должно было! Только не с ней! Не с ней!

Его слёзы теперь может высушить лишь время, подумала Алёна, хотя и понимала, что времени понадобится много, очень много. Надо будет терпеть и ждать. Из последних сил, она сдерживала свои слезы, свою боль. А ведь как хотелось забиться в угол и завывать от бессилия... Просто завывать... Но вместо этого, Алёна села на край кровати и провела по волосам своего

друга. Конечно же, она тоже плакала: только тихо и почти без слез. Сердце стонало, горло скребло от невыплаканных слез. Но сейчас она не имела права быть слабой. Только не сейчас...

Глава 2

Постепенно Федор затих и вздрагивал уже намного реже и слабее. Девушка тронула его за плечо, чтобы убедиться, что молодой человек заснул, потом осторожно встала и вышла из комнаты. В прихожей Алёна посмотрела в зеркало, припудрила лицо, подумала над тем, стоит ли подвести глаза, но отвергла эту идею. Потом она зашла на кухню, накинула шубу и, прихватив ключи от квартиры, вышла на лестничную площадку.

Только теперь, выйдя на улицу в третий раз, она смогла почувствовать утренний холод. Выбега утром из дома, она забыла многие вещи. Ни документов, ни паспорта, ни мобильного телефона она не взяла. Алёна прекрасно понимала, что можно было бы постучаться к соседям, к консьержке, но у нее не было ни сил, ни желания объяснять причины своей забывчивости.

Почти бегом Алёна направилась к телефонной будке. Ей показалось, что как только она скажет еще кому-нибудь эту страшную новость, станет значительно легче. То, что она сообщила обо всем Федору, не добавило ей ни легкости, ни успокоения. Наоборот, ощущение боли и тяжести только усилилось. Прошла только острая боль в сердце, которая напоминала уколы розовых шипов в беззащитные детские ладони. Дрожащими пальцами девушка набрала номер родителей Федора. Они все поняли даже без ее слов и объяснений. Она попросила их приехать к сыну, а по дороге заехать за отцом Наташи. Ему она произнести причину не смогла бы. Эта миссия ляжет на плечи других, и это был единственный факт, который позволил ей дышать немного легче. Алёна прекрасно знала, что Леонид Степанович всё и так поймет. Без слов и без объяснений. Он уже сталкивался однажды с этой действительностью.

Как только миссия была выполнена, силы стали стремительно покидать Алёну. Собравшись с мыслями и оценив, что стоит в телефонной будке на улице, девушка смогла пересилить себя и вернуться в квартиру, где царила тишина: напряженная, страшная и бесконечная тишина. Она заглянула в спальню: Федор лежал на кровати в той же позе, в которой уснул, и лишь изредка вздрагивал. Потом прошла на кухню, приготовила чай и села около окна. Девушка наблюдала за входящими в подъезд, пытаясь хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

Как часто мы не замечаем того, что происходит вокруг нас. Мы постоянно бежим и опаздываем. Торопимся на работу, на учебу, домой. Мы не всегда можем увидеть детали, которые доказывают, что существуем, существуют другие люди. Вот из подъезда соседнего дома вышла пара: девушка и молодой человек. Что их объединяет? Они просто друзья или нечто большее уже поселилось в их сердцах? Можно пофантазировать, попытаться увидеть их будущее или прошлое. Но в обыденной жизни мы не только не усложняем свою жизнь фантазиями, но даже не замечаем других, реальных, но посторонних нам людей. Какое же это страшное слово «посторонние». По какую такую сторону от нас они находятся? Что нас отделяет от них?

Бесспорно, бывают моменты, что нам не хочется замечать других, не только посторонних, но даже очень близких и родных. Зато, как мы радуемся поездке куда-нибудь далеко! Как мы охотно делимся своими впечатлениями от жизни со своими спутниками. Эффект поезда, самолета... Эффект дальнего путешествия. Нередко именно это одноразовое общение помогает нам найти свое место в этом огромном временном пространстве. Но мы не можем остановиться и посмотреть вокруг. И сейчас, когда Алёна смотрела на молодых людей, они помогли ей, сами о том не ведая, отрешиться от ее боли. Пусть это продолжалось всего несколько минут, но они помогли ей скоротать время ожидания.

Спустя полчаса к дому подъехало такси: из него вышли двое мужчин и женщина. Алёна во второй раз поставила чайник на плиту и вышла в прихожую. Как только послышался лязг подъехавшего лифта, она открыла дверь. Первой из кабины вышла пожилая женщина, которая показалась девушке заметно постаревшей, и спросила:

—

Здравствуй, деточка. Когда это случилось?

Девушка почувствовала, что колючий комок снова обосновался в ее горле, и, не отвечая, ушла на кухню. Алёна больше всего боялась посмотреть в глаза отца Наташи. Боялась увидеть, что близкий ей человек, которого она знала и любила, как родного отца, постарел еще лет на десять.

Она стояла лицом к окну и ждала, пока родители ее друзей разденутся и присоединятся к ней. Она слышала, как скрипнула дверь спальни: это Мария Петровна проверила своего сына. Через минуту родители Федора и отец Наташи собрались на кухне. Все сели за стол. Тишина начинала сдавливать сердца, но никто никак не мог и не хотел начинать разговор. Алёна открыла форточку, достала из шкафчика пепельницу и поставила перед мужчинами. И только после этого она смогла заговорить. Ей в очередной раз пришлось взять на себя роль лидера.

—

Мне позвонили в пять часов утра. Попросили приехать. Я ещё ничего не знала. Они не стали ничего говорить по телефону, просто попросили приехать, так как именно мой телефон значился в контактах. Да и мне, судя по всему, все стало ясно почти с первой же секунды разговора. Собиралась как сумасшедшая... В половине четвертого ей стало хуже. Они вкололи обезболивающее, но оно не помогло. Ровно в четыре Наташа... перестала дышать. Все попытки вернуть её к жизни были безрезультатны. Один из лечащих врачей предположил, что у Наташи появились какие-то проблемы с кровью. Но это можно будет выяснить только после... вскрытия. Федор сейчас спит, я дала ему успокоительное. Потом вышла и позвонила вам. Мне очень жаль. Я совершенно не знаю, что ещё могу сказать. Не знаю, что надо делать. Вот и всё.

Мария Петровна встала, подошла к Алёне и обняла за плечи.

—

Бедная моя девочка. Как много тебе сегодня пришлось пережить в одиночестве. Зная характер своего сына, могу предположить, что он сказал тебе много неприятных слов. Ты уж прости его. Как долго он ещё проспит?

—

Часа три-четыре, если верит вкладышу.

—

Миша, тогда собираемся: у нас очень много дел. Леонид, вы с нами?

И тут все посмотрели на отца Наташи: в нём почти ничего не изменилось, только круги под глазами стали темнее, а волосы более седыми. Горе не обязательно должно радикально поменять лицо человека, но вот глаза... Глаза полностью потеряли искру жизни. Именно такими их увидела Алёна несколько лет тому назад, но тогда в них еще мелькали какие-то искры надежды. Тогда ему пришлось хоронить свою любимую женщины Тамару, но рядом оставалась точная ее копия, дочка Наташа. Ради нее от готов был жить и радоваться каждому новому дню. Сегодня не стало и этих всплесков. В такие минуты ты видишь самое страшное, что может произойти с человеком: глаза перестают отражать жизнь, в них исчезает свет, способный согреть в любую погоду.

—

Я посижу с Федором, если можно, — тихо произнес Леонид Степанович.

—

Да. Да, конечно. А ты, Алёна?

—

Я схожу на работу. Там необходимо кое-что уладить, привести в порядок бумаги. Я постараюсь освободиться побыстрее. Потом вернусь сюда.

Мария Петровна взяла руку Леонида Степановича и тихо произнесла:

—

Крепитесь, Леонид, нам всем очень жаль. Теперь трудно что-либо говорить, в этом Алёна совершенно права. Видимо, кому-то там, на небесах, виднее.

При этих словах во взгляде Леонида Степановича что-то всколыхнулось, но он промолчал. «Да. Дядя Леня уже способен сдержаться от бессмысленных и обидных слов. Федор пока не обладает таким качеством», – подумала Алёна и отвернулась к окну. Мария Петровна с мужем вышли из кухни, и вскоре послышался щелчок замка. Несколько минут Алёна еще стояла около окна, вдыхала морозный воздух от форточки, потом посмотрела на человека, который потерял последнего родного, близкого человека, свою дочь. Она пыталась понять, что нужно сделать, ей очень хотелось помочь ему, сделать для него хоть что-нибудь. Неожиданно он заговорил:

–

Бог забрал всех моих женщин, всех моих любимых и близких. С некоторых пор я живу в ожидании следующих похорон. Но в глубине души я все-таки надеялся, что не буду хоронить собственную дочь, свою Наташеньку. Хоронить собственных детей – самое страшное испытание для родителей. Почему и за что?.. На этот вопрос никто не ответит. После смерти Тамары я часто водил Наташеньку на обследования, но ничего не было. Я успокоился, расслабился. А потом снова оказалось поздно. Я опять опоздал... Все-таки народная мудрость не зря слагалась веками: смерть невозможно обмануть или обхитрить. Смерть всегда приходит неожиданно, быстро и тихо. Я не знаю, что говорить Феде, просто не знаю.

–

Возможно, что сейчас ничего и не нужно говорить. Достаточно и того, что вы будете рядом. Вы единственный, кто знает не понаслышке боль и пустоту от потери близкого и любимого человека. А Наташа была для вас и Федора самой близкой. Только ваше присутствие может помочь ему. Вам он теперь доверяет намного больше, чем своим родителям или мне. Возможно, что мне он доверяет сегодня меньше, чем кому-либо...

–

Не принимай близко к сердцу то, что сегодня тебе он успел наговорить. Это говорил не он. В нем кричала боль, выла обида. Просто так случилось, что именно тебе досталась самая незавидная роль. Спасибо тебе, что ты была рядом и с Наташей, и с Федором. Спасибо за то, что сейчас со мной. Вот только Наташенька...

–

Наташа была моей единственной подругой. Мне сейчас тоже очень тяжело, а потом... Я не могу ничего изменить, не могу ничего исправить.

–

Есть вещи, которые людям не дано ни понять, ни исправить. Мы можем только приглушить острую боль и попытаться привыкнуть к мысли о смерти. Я знаю, что ты значила для Наташи. Я видел, как она дорожила вашей дружбой. Теперь нам всем придется привыкнуть, что она не с нами...

–

Для меня самое страшное – привыкнуть.

–

В этом твоя правда. Но... Я только прошу тебя: возвращайся скорее. Один на один с такой болью... Мне не было раньше так страшно как сейчас. Я не знаю, что говорить. Мне страшно оставаться с Федором и видеть в его глазах боль. Хотя ты совершенно права, что сегодня – я единственный человек, к которому у него осталось хоть какое-то доверие. Я единственный человек, к чьим словам он, может быть, прислушается. Только дело в том, что сейчас мне самому тяжело найти смысл дальнейшего существования. Человеческая жизнь тесно связана с понятием любовь, с чувством, с эмоциями. Ведь мы, я надеюсь, приходим в этот мир не для работы, не для безудержного праздника, а для того, чтобы научиться любить, чтобы испытать

на себе любовь другого человека. Хотя теперь я все меньше понимаю Его замысел, Его идею в отношении себя самого. Жаль, что при рождении нам не выдаю инструкций по использованию жизни.

–

Да, я бы тоже не отказалась от советов по эксплуатации своей жизни... Страшно, сегодня мне страшно... Я потороплюсь. А вы попробуйте поесть. – Алёна попыталась улыбнуться, но из этой затеи ничего не вышло. Она почувствовала, что усталость и боль продолжают давить на нее, а ведь впереди был еще длительный и напряженный день.

–

Я скоро вернусь. А вы крепитесь...

–

Я постараюсь, не переживай. Я обещаю тебе, что справлюсь сам и помогу Федору. Он для меня теперь еще ближе стал, чем раньше. Собственно, он теперь единственный родной мне человек. Не обижайся, Алёнушка, на мои слова. Я очень благодарен Федору за то, что он успел сделать мою девочку счастливой. Она успела испытать счастье быть любимой и любить. За это я ему буду благодарен до последнего своего вздоха.

Алёна вышла из кухни, оделась и, заглянув в спальню, покинула квартиру. Со стороны это могло показаться банальным бегством, но кто сейчас посмеет бросить в нее камень.

Глава 3

Поминки проходили на квартире отца Наташи. Мария Петровна и Михаил Фёдорович всё взяли в свои руки, так как ни их собственный сын, ни отец невестки не могли контролировать печального процесса. Сразу после кладбища Алёна увезла Федора в его квартиру. И она, и его родители прекрасно понимали, что присутствие вдовца на поминках совершенно ненужный и тяжкий груз для молодого человека.

За последние дни Федор сильно осунулся. На его лице появились мелкие морщинки, которые разбегались от глаз. Он стал взрослее и опытнее. Когда они сели в заказанную на похороны машину, Алёна пыталась сосредоточиться на пробегающих по небу облаках. Беззаботные и пушистые, они пытались заманить любого наблюдающего за ними куда-то далеко, туда, где нет тревог и болезней, нет несчастий и предательств. Но хаотичные, печальные мысли упорно возвращали Алену к жестокой действительности. Прошло три дня, за которые ей так и не удалось выспаться. Три дня, наполненные болью и страхом за близких ей людей. Три дня, наполненные странным ощущением нереальности происходящего. Иногда ей казалось, что при такой сумасшедшей кутерьме, можно уснуть прямо на ходу, стоя или сидя, но мысли не отпускали ни на секунду.

Страх и боль проникали даже в ее сны. В те редкие минуты, когда ей удавалось забыться в объятьях Матфея, к ней прилетали черные грачи. Птицы хаотично кружили над ее головой и, казалось, что они пытаются напасть на нее именно в тот момент, когда она засыпала. Удивительно было только то, что грачи кружили над ее головой молча. Не было слышно ни их криков, ни шороха их крыльев. Это напоминало кадры из черно-белых фильмов, из немого кино. Отсутствие звука пугало больше всего. Казалось, что крики черных страшных птиц смогли бы разогнать отчаяние и пустоту, но они молчали.

Когда они подъехали к дому, Фёдор медленно и неохотно вышел из такси и направился к подъезду. Его движения были полны автоматизма. Алёна попрощалась с водителем, выслушала слова, которые в течение последних трех дней ей приходилось говорить и самой, и медленно последовала за другом.

Когда девушка вошла в подъезд, то увидела, что Фёдор стоит в лифте, придерживая ногой двери. Иногда у нее складывалось впечатление, что ее друг вообще не видит никого и ничего. Она не удивилась бы сейчас даже тому, если бы он поднялся на необходимый этаж, не дожидаясь ее. Алёна вошла в кабину и нажала кнопку десятого этажа. Когда двери лифта распахнулись, первой вышла на площадку, открыла дверь своими ключами и пропустила молодого человека вперед. Фёдор медленно переступил порог и прислушался к тишине. Затем, не снимая пальто, заглянул на кухню, в зал, открыл дверь ванной комнаты, и, разочаровавшись, прошел в спальню. Осмотревшись в занавешенной наглухо шторами комнате, он сел в кресло, которое было повернуто в сторону окна. Алёна молча наблюдала за происходящим и понимала, что такой ритуал еще долго будет повторяться в этой квартире. Ей ведь и самой по-прежнему не хотелось верить в то, что Наташа сейчас не выскочит из кухни с вопросом: «А кто тут у нас вечно голодный? Кто сухомячил весь день и теперь просто обязан уделить время своему несчастному желудку?»

Поняв, что в ближайшее время Федор не станет предпринимать никаких действий, Алёна сняла шубу и прошла на кухню заварить кофе. В квартире было неестественно тихо, лишь изредка с улицы раздавался шум проезжающих машин и крики гуляющих во дворе детей. Достав банку с молотым кофе, девушка налила в турку холодной воды, всыпала две ложки коричневого, ароматного порошка и поставила на электрическую плиту. Пока кофе поднимался, достала из шкафа две кофейные чашечки, из холодильника – сливки, и все это поста-

вила на поднос. После того, как кофе был разлит по чашкам, Алёна вернулась в спальню с подносом.

–

Федор, я заварила кофе. Может быть, выпьешь? Или тебе налить чего-нибудь покрепче? – поинтересовалась Алёна.

–

Она больше не стонет от боли? – неожиданно тихо спросил молодой человек, продолжая смотреть в окно.

На секунду девушке стало страшно, что у ее друга вновь начнется истерика отторжения. Но Федор сидел совершенно расслаблено.

–

Нет. Теперь ей не больно, – перестроилась на иной разговор девушка.

–

Это хорошо, что ей не больно. Ей ведь было очень плохо последнее время. Хотя она очень старательно это скрывала. Но я-то видел, что ей очень больно. Особенно ночью...

Фёдор взял чашечку кофе, сделал глоток, подлил немного сливок и продолжил:

–

Я очень устал сегодня. Как тебе кажется, люди поймут? Или я все-таки должен был немного поприсутствовать?

–

Не стоит сейчас об этом думать. И люди все поймут. Не беспокойся.

–

Я очень устал.

–

Может быть, тебе лучше лечь. Попробуй поспать.

–

Нет. Этого я не хочу. Просто посижу здесь. В этом кресле мне все время кажется, что все нормально. Что ничего не произошло. Это кресло она сама искала. Дней десять бегала по мебельным магазинам. Наташа говорила, что в спальне обязательно должно стоять одно большое, глубокое кресло. Она говорила, что иногда очень приятно понаблюдать за мной, спящим. И именно так: издалека. Чтобы случайно не потревожить мой сон. Мне кажется, что это кресло до сих пор хранит запах ее тела.

Алёна забрала из рук друга пустую кофейную чашку, поставила все грязную посуду на поднос и вынесла на кухню. После этого она направилась в прихожую. В кармане ее шубы лежало снотворное, которое перед самым отъездом с кладбища ей подложила Мария Петровна. Вернувшись на кухню, она налила стакан очищенной воды и вместе с таблетками принесла в спальню.

–

Фёдор, может быть, выпьешь? Это поможет восстановить твои силы. Тебе все равно необходимо поспать. Сон просто необходим твоему организму.

–

Ты уверена? Ты уверена, что мне необходимо поспать? Думаешь, что от этого мне станет легче?

–

Нет, легче тебе не станет, но твоему организму необходима передышка. Маленькая, бессознательная передышка.

Молодой человек принял из рук Алены таблетки и некоторое время рассматривал их. Потом взял стакан, положил снотворное на язык и запил водой.

–

Вкус не очень. Могли придумать оболочку для таких вещей. Хуже бы они от этого не стали. Как ты думаешь? Почему только детские лекарства стараются сделать приятными и вкусными? Неужели они считают, что взрослым людям не нужно облегчать жизнь? Особенно во время болезни.

—

Ты не болен, это во-первых. Во-вторых, Фёдь, это же не шоколад, а лекарство. Детей просто стараются обмануть яркой и сладкой оболочкой. Взрослых обманывать тяжело, да и смысла в этом особого нет. Лекарство всегда противное. Может, оно даже должно быть таким, чтобы мы чаще старались беречь свое здоровье, старались не доводить себя до таблеток. Главное, что ты их выпил. Может быть, ты хочешь поесть чего-нибудь? Я могла бы приготовить на скорую руку...

—

Нет. Знаешь, я, может, действительно, лучше лягу? Только сейчас, в тепле, я стал чувствовать усталость. Она такая тяжелая. Кажется, если я не лягу, она меня раздавит меня в этом кресле. Или это таблетки так быстро стали действовать. Только ты не уходи, посиди здесь. Пожалуйста. Я хочу, чтобы ты была здесь, когда проснусь. Не хочу оставаться один.

—

Конечно, я останусь. Я только, помою чашки, принесу плед из зала, чтобы тебя накрыть, и вернусь... Я быстро, ладно?

Когда она вернулась в спальню, Фёдор лежал на кровати прямо в пальто и продолжал смотреть в окно. Его взгляд был пустой и какой-то бессмысленный.

—

Одежду верхнюю снимешь? Нельзя же лежать прямо в пальто. Не удобно ведь. Да и помнется ведь. Фёдь, а?

—

Не хочу. Какая теперь разница?

—

Разница есть всегда. Детский лепет тебе не поможет. Через «не хочу». Ты сейчас сделаешь это через «не хочу». Можешь считать, что это приказ, каприз. Как хочешь, только пальто ты снимешь. И что бы я больше не слышала сегодня этого выражения: «Какая разница?» Это уже просто просьба, моя маленькая просьба.

Алёна силой стянула с друга пальто, потом развязала шнурки на зимних ботинках. Скинул их молодой человек уже сам. После этого она накрыла Фёдора пледом, подоткнув со всех сторон. Потом она собрала верхнюю одежду и направилась в прихожую, чтобы разложить вещи по местам. Ей казалось, что Федор вообще перестал обращать внимание на ее присутствие или отсутствие, но он неожиданно произнес:

—

Положи на кресло. Посиди спокойно рядом со мной. Сядь на кровать рядом со мной. Тебе ведь тоже необходимо отдохнуть. Прости меня за все. Просто прости. Ты ведь тоже устала?

Алёна согласилась с тем, что устала, согласилась с тем, что уже валится с ног. Позволила себе расслабиться лишь на долю секунды, но этого вполне хватило, чтобы почувствовать еще более жуткую усталость и беспомощность. Она опустилась на край кровати у ног Фёдора. И только теперь она смогла оценить в полной мере всю тяжесть последних дней. Борьба со сном не было ни сил, ни желания. Она склонила голову на колени друга и позволила себе закрыть глаза. В голове неожиданно перестали мелькать мысли, желания, задачи. Просто нечто теплое и темное охватило всю ее душу. Сон почти мгновенно обнял все ее естество и унес в свое царство.

«Я ведь должна убедиться, что Федор уснет. Нужно открыть глаза и посмотреть на него. Он должен поспать. Открыть глаза и посмотреть», – пронесло у Алёны в голове перед тем, как она окончательно отключилась.

Картинки сна сменяли друг друга настолько быстро, что Алёна не могла понять ни одного фрагмента. Если бы она проснулась самостоятельно, то, может быть, постаралась вспомнить увиденное, но очнуться пришлось от ощущения, что кто-то целует ее макушку головы. Резко открыв глаза, но, опасаясь пошевелинуться, она посмотрела на наручные часы. Беспокойный сон продолжался всего десять минут, но даже этого ей хватило для того, чтобы полностью расслабиться и лечь около Фёдора. Ситуация постепенно начала Алёну пугать, но, собрав остатки сил и сев на край кровати, она поняла, что ее друг спит и во сне обнимает свою Наташеньку. Ему снится его жена. В его снах все было спокойно и безмятежно.

Алёна медленно поднялась с кровати, поправила плед на спящем друге и успокоилась. Сделав глубокий вдох – медленно выпустила воздух из легких. Несколько минут она просто стояла и смотрела, как опускается и поднимается мужская грудь. Она знала Фёдора очень давно. Среди знакомых мужчин Алёна легко могла выделить его в отдельную категорию интересных и начитанных людей. Она относила его к категории сильных личностей и понимала, что вся эта ситуация не сломает его, но оставит незаживающую рану на душе. Она знала, что он сможет победить свое горе, просто на это было необходимо время. Время было необходимо им всем: и их родителям, и друзьям, и мужу Наташи.

Глава 4

В десять часов вечера в дверь квартиры, где когда-то Федор и Наташа жили вместе, постучали. Алёна тихо поднялась с кресла, отложила в сторону журнал, который так и не смогла прочитать подруга в больнице, и направилась открывать дверь. После того, как родители Фёдора сняли верхнюю одежду, они все вместе прошли на кухню.

—

Как он себя чувствует? – устало, но с тревогой в голосе спросила Мария Петровна, присаживаясь на стул около стола.

—

Мне кажется, что он начал потихоньку справляться. Федор сильный человек. Сегодня он, наконец-то, принял то, что Наташи больше нет рядом. Его сильно успокаивает мысль, что теперь она не испытывает боли. Его разум пытается схватиться хотя бы за какую-нибудь оправдывающую смерть идею. Теперь, я думаю, все будет хорошо. А как Леонид Степанович?

—

Он захотел сегодня остаться один. Мы не смогли его переубедить. Он взрослый человек. С его доводами трудно спорить. Лично мне так и не удалось найти подходящих слов. Конечно, возможно мы поступили не совсем обдуманно, опрометчиво, но ты ведь знаешь, что в таких ситуациях спорить не приходится. Правда, в большинстве случаев, на стороне потерпевшей стороны.

—

Конечно. Спорить здесь бессмысленно. Да, и я прекрасно знаю характер Леонида Степановича. Возможно, ему так легче. Позже они с Фёдором смогут друг друга поддержать. Вы останетесь сегодня здесь? Поживете с Фёдором?

—

Да, конечно. Если он нам позволит. Мы с ним побудем, если он захочет, – грустно произнесла мать Фёдора и махнула в сторону спальни головой. – Сын ведь тоже может пожелать остаться в одиночестве. Но сегодня мы в любом случае останемся здесь.

—

Тогда я поеду домой, если позволите. Усталость валит меня с ног. Давит просто невыносимо. И физически, и душевно я выжата. Ощущение такое, будто меня пропустили через соковыжималку, а потом еще и в стиральную машину засунули.

—

Конечно, Алёна. Мы тебя очень хорошо понимаем. Ты так много сделала для нас всех, и для Федора. Но уже поздно. Стоит ли тебе сейчас куда-либо ехать? Осталась бы с нами. Посидели бы. Я бы приготовила что-нибудь на скорую руку, что-нибудь вкусненькое. Голодная ведь, наверное?

—

Не буду обманывать вас и себя, я жутко голодная. Да, голодная, но не беспокойтесь. Мне просто необходимо попасть домой, родные стены помогут мне расслабиться и отдохнуть. Я поймаю такси и через минут тридцать буду дома. Простите за отказ, но я лучше поеду. Для меня так будет лучше. Я себя знаю. Фёдор должен скоро проснуться, и мне, кажется, что ему будет лучше меня не видеть в ближайшее время. Я очень боюсь, что мой образ будет у него ассоциироваться с болью и отчаянием. А его вы покормите обязательно. Он так и не ел ничего с тех пор, как мы приехали с кладбища. Хотя мою стряпню даже в хорошем настроении лучше никому не пробовать.

Алёна поднялась с табуретки и прошла в прихожую. После того, как она надела свою шубу, поцеловала Марию Петровну и Михаила Федоровича. Уже около двери девушка неожи-

данно остановилась, достала ключи из кармана и положила их на полочку под зеркалом. Теперь она не имела права обладать этой связкой. Все-таки она была подругой Наташи, а не Федора. Теперь ему нужно начинать жить заново.

– Удачи вам. Теперь Фёдор будет учиться жить один, и я не хотела бы ему мешать или смущать. Мне ключи больше не пригодятся. До свидания.

Девушка открыла дверь, не спеша вышла на лестничную площадку, как будто пыталась найти еще какие-то слова на прощание, но только улыбнулась Марии Петровне и Михаилу Федоровичу и начала спускаться по лестнице. Она не стала вызывать лифт: торопиться теперь было некуда, да и не за чем. Она очень не любила прощаться, а если бы ей пришлось ждать лифт, родители Федора продолжали бы смотреть ей в спину. Она чувствовала, что для них она была неким спасением при общении с сыном. Теперь им придется заново находить общий язык с ним. Спускаясь, Алёну не отпускали мысли о Леониде Степановиче: было бы хорошо уговорить его поехать к её родителям. Их с Наташей семьи дружили уже много лет. Через три недели с хвостиком – Новый год. Ему никак нельзя оставаться одному в такие дни, какие бы обстоятельства не способствовали этому положению. Она понимала, что убедить отца Наташи будет непросто, но опускать руки перед трудностями было ей несвойственно.

На улице было тихо. Морозный воздух подхватывал запоздалых пешеходов у самых дверей подъездов и парадных. Алёна вышла на шоссе. Уже первая же машина остановилась около тротуара. Девушка назвала адрес и, после согласия шофера, села в машину. Нескончаемый поток информации последних дней пытался в очередной раз взорвать ее мозг. Она даже не заметила, когда такси подъехало к подъезду ее дома. Очнувшись оттого, что машина не движется, Алёна быстро расплатилась и вышла на улицу. Перед тем как войти в дом, девушка посмотрела на окна квартиры. Девушка прекрасно понимала, что в собственной квартире ее ждут темнота и одиночество, холод и равнодушие вещей. Хотя последние, конечно, не могут испытывать эмоций, ей хотелось, чтобы хоть что-то поприветствовало ее возвращение. Встретиться с кем-либо живым и отзывчивым в ближайшее время ей не хотелось, но существовала потребность почувствовать молчаливое сопереживание неодушевленных предметов. Поднявшись на второй этаж, она медленно достала ключи и открыла дверь: раздался бой напольных часов.

–

А вот и первый страж, который встречает меня набатом. Все-таки вы соскучились по мне, – обрадовано произнесла девушка, включая свет в прихожей, и, проходя в зал, на ходу снимая шубу. – Уже двенадцать часов. Можно сказать, что бал для Золушки окончился, правда, слишком печально.

В квартире было холодно и пусто. Сразу чувствовалось, что здесь продолжительное время никто не жил. Но родные стены, настольная лампа, часы и многие вещи ждали возвращения хозяйки. Опустившись на диван, девушка медленно расстегнула молнии на сапогах и стянула их прямо в зале.

–

С температурой легко справиться, – подбадривая себя, произнесла Алёна и включила обогреватель, – И все у нас будет нормально, а с пустотой в душе мы справимся. Наташа бы мне никогда не позволила долго печалиться. Это не было в ее характере. Ладно, надо что-нибудь перекусить, а потом лечь спать. И спать, дорогие мои часы, до тех пор, пока не захочется проснуться от голода и выползти из-под одеяла. И можете сколько угодно отсчитывать свои минуты и часы. Завтра я проснусь не по вашей указке. Завтра наступит только тогда, когда мне этого захочется.

Не раздеваясь, Алёна прошла на кухню и открыла дверцу холодильника: пакет молока, колбаса, сыр и какие-то овощи. Готовить что-либо не было ни сил, ни желания. Сделав себе три бутерброда, она выложила их на тарелку, налила в стакан молока и поставила всё на под-

нос. Немного подумав, она направилась в ванную комнату: после легкого ужина даже на душ можно не найти сил. Водные процедуры придется провести еще до того, как желудок получит долгожданное питание.

Уже войдя в ванную комнату, Алёна почувствовала острое желание понежиться в горячей воде, но страх уснуть прямо в ванне, заставил ее включить душ. В настоящее время телу будет достаточно и легкого водопада.

До постели Алёна добралась уже в час ночи. Спальня постепенно нагревалась от электрического камина, и его жар расслаблял все мышцы не хуже горячей воды. Перед тем как окончательно лечь под теплое одеяло и утонуть в облаке любимой подушки, девушка села в кресло около журнального столика и съела скудный поздний ужин. Оставив грязную посуду прямо в спальне, Алёна легла на кровать, и, как только голова девушки коснулась шелка постельного белья, разум перестал существовать.

Глава 5

« – Привет, Аленка! Какая ты уставшая! Что-нибудь случилось? »

–

Да. Ты навсегда нас покинула. Мне сейчас больно и одиноко. Нам всем сейчас больно и одиноко. Особенно Федор страдает. Ему очень трудно принять, что тебя больше никогда не будет рядом. Ты же понимаешь...

–

Прости. Я это очень хорошо чувствую, но, если честно, тут мне очень спокойно и легко стало. Я не хотела причинять вам боль, но другого выхода не было. И у меня такое чувство, будто я по-прежнему рядом с вами. Только теперь мне не надо лежать в палате и терпеть болезненные бесконечные процедуры.

–

А нам здесь холодно и одиноко... Ты прости, конечно, я прекрасно понимаю или догадываюсь, что ты все чувствуешь и переживаешь. И я очень рада, что ты освободилась от боли. И Федор это тоже стал понимать. Вот только страдает. Прошло слишком мало времени. А я теперь не знаю, кто же теперь будет рассказывать мне новости и сплетни, собранные со всего города? Кто укажет теперь на мои эмоциональные заносы? Кто подскажет мне о новых тенденциях в моде?

–

Но мы будем с тобой общаться. Как только ты подумаешь обо мне, я буду рядом. Это же тоже не плохо, правда? Теперь я даже ближе тебе стану. Меня теперь на всех хватит.

–

Кстати, объясни мне, как ты за все время замужества умудрилась скрывать, что читаешь глянцевого журналы. Федор даже не знал, что именно тебе купить... Да и я никогда не видела у тебя ни одного номера женского чтива...

–

А я никогда их не покупала. Я всегда читала электронные версии. Еще не хватало тратить по 500 рублей в неделю из семейного бюджета на то, что можно прочитать бесплатно или относительно бесплатно.

–

Значит, было что-то такое, о чем я не знала... Я, видимо, даже не задумывалась о том, откуда ты брала информацию о разных новинках моды, современных витаминных диетах, которыми потом пичкала и меня, и Федора, и наших родителей.

–

И, слава Богу, что ты не задумывалась об этом! Да у тебя временно

на этого не было. Ты же предпочла спрятаться от личной жизни в бизнес, в работу.

–

Вот только не надо сейчас говорить о моей личной жизни. Давай лучше просто поболтаем... Поболтаем о том, что знали обе...

–

А помнишь, как мы бегали на танцы и всем говорили, что являемся родными сестрами?

–

Да. А как мы экзамены сдавали? Поменялись билетами, убедили преподавателя в его ошибке и все сдали, помнишь? И ведь так удачно все выходило. Весело было. Детство было очень счастливой и легкой порой.

–

А поход? Мы тогда с тобой ушли на семь километров влево! Маршрут принципиально не хотел состыковываться с нашим направлением. А потом твой отец устроил нам лекцию по поводу ориентировки на местности. Даже описал все способы ориентировки в пустыне. Хотя в нашей местности пустынь вроде бы не водилось никогда. Долго мы тогда его выслушивали. Я до сих пор помню, как мне хотелось спать после изнурительного неудачного похода, а твой отец считал своим долгом предостеречь нас на будущее.

—

Да, тяжело нам тогда пришлось. Папа не давал нам уснуть до двух часов ночи. Жуть. А как папа сейчас?

—

Я хочу свозить его к своим родителям на праздники: там народ общительный. Соседи, друзья... Не надо ему быть одному. Главное, найти способ его уговорить. Упрямство у него можно просить в долг, ты же знаешь.

—

Я бы также сделала, наверное. Ты уж присмотри за ним, пожалуйста.

—

А как ты думаешь, трудно его будет уговорить поехать к моим? Может, у тебя есть какой-то универсальный способ?

—

Главное: дави на новые знакомства. Он всегда легко поддавался на любые выходы в свет, если ему обещали приятные, душевные беседы с интересными людьми. И еще обращай его внимание на то, что я бы не хотела видеть своего отца грустным и одиноким. Хотя бы в память обо мне, он послушается тебя. В память обо мне и о маме.

—

Ладно, попробую. Я сделаю все для того, чтобы твой отец не чувствовал одиночества и пустоты. Сложно, конечно. Но ведь мы с тобой никогда не боялись трудностей. Правда? Знаешь, я почему-то сейчас вспомнила, как мы с тобой отшили парня в городском парке.

—

Того самовлюбленного Нарцисса?

—

Точно. Странно все это...

—

Да, для парня было шоком, что кто-то не оценил его красоты. А потом я сообщила ему, что мы – лисички. Знаешь, когда ты рассказала об этом случае Фёдору, он долго потом приглядывался к нам обеим. Мне кажется, что иногда он ревновал меня к тебе. Правда, он всегда это делал осторожно. Не подкопаешься. Он даже однажды вечером признался мне, что если бы не знал меня в постели, то засомневался бы в моей ориентации. Я тогда смеялась минут двадцать. Все никак не могла успокоиться. Мы с тобой могли быть убедительны даже в тех случаях, когда не очень настаивали на своей правоте.

—

Я иногда замечала его ревность. Думала, что чем-то его обидела.

—

Вот так-то. Много мы пережили все вместе... У тебя звонит телефон!

—

А я ведь тоже ревновала тебя к нему, особенно в начале. Когда вы познакомились, я поняла, что теперь у тебя есть еще один друг. И даже больше, чем друг. Я боялась, что наше с тобой общение станет редким и неестественным. Одно время, соглашалась встречаться с мужчинами только для того, что бы нам было легче встречаться. Четверо всегда легче находят общий язык, чем трое.

—

Телефон звонит! У тебя звонит телефон!

—

Телефон? Какой телефон? Зачем? Кто? Разве я его не выключила? Телефон звонит...
Те-ле-фон!»

Глава 6

Алёна села на постели и посмотрела сначала на источник шума, потом на будильник. Было только восемь часов утра выходного субботнего дня. Это был первый спокойный день, когда можно было банально выспаться, прийти в себя. Девушка обругала себя последними словами за то, что не догадалась выключить этот вредный и жестокий аппарат вчера ночью. Преодолевая желание бросить что-нибудь в телефон, она все-таки дотянулась до трубки. Ее голос не предвещал собеседнику ничего хорошего, но об этом могли знать только очень близкие знакомые и родные.

—

Алло? Вас слушают.

—

Наконец-то! Где ты всю неделю была? Я звонил тебе каждый вечер, звонил днем! Почему тебя так долго не было? Могла бы и предупредить!

—

А кто это задает такие вопросы в восемь часов утра субботы? Может, представитесь для начала? Ваш голос мне совершенно никого не напоминает, так что извольте назвать себя. И что это за манера: высказывать претензии в восемь часов утра... Мало того, что меня разбудили раньше времени, так мне же еще и претензии предъявляют. Потрясающая самонадеянность. Даже наглость, я бы сказала.

—

Ясно! Все с тобой ясно! Я через пять минут буду у тебя. Сегодня ты от меня не ускользнешь. Я просто не позволю тебе этого. Приеду и все тебе расскажу. И даже представлюсь, если ты, конечно, и мой образ сумела забыть за столь короткое время. Жди, я уже еду.

—

Да? Но простите, а кто собственно у меня будет? Какое право вы имеет нарушать мой покой в выходной день? Какого черта Вам вообще от меня надо?

Но ее последняя фраза осталась без ответа. В телефонной трубке звучали только отрывистые гудки. Разговор прервался. «Ничего не понимаю», – прошептала Алёна и, упав на подушки, натянула на голову одеяло. В голове звучала только одна фраза: «Я через пять минут буду у тебя». Неожиданно девушка осознала смысл слов и вскочила с постели. Ей было удивительно, что тембр собеседника не походил на голос ни одного знакомого ей мужчины. Кроме того, ее удивляла та манера разговора, которую она слышала несколько секунд назад. Таким образом, не имел права разговаривать с ней ни один мужчина. Никто и никогда не позволял себе с ней так общаться. Через силу, Алёна поднялась с кровати, подошла к зеркальному шкафу и стала рассматривать свое отражение:

—

Кто-то придет через пять минут, а я выгляжу, как побитая собака. Да и чувствую я себя также. И еще эти синяки под глазами! А волосы! Вчера у меня сил на них не хватило, а теперь... Ладно, умыться спокойно я все-таки успеваю. Стоп! А может быть не стоит вообще открывать дверь? В конце концов, я никого не звала к себе в гости. Ни с кем не договаривалась о встрече. Хорошо это или плохо, но я не понимаю, что сейчас должно произойти. Почему я должна окончательно просыпаться из-за совершенно незнакомого, нахального непрошенного гостя? Хотя... Судя по всему уже поздно. Он все равно сейчас придет, будет звонить, стучать. Не дай Бог, разбудит весь подъезд. Не могу же я позволить ему нарушить сон своих несчастных соседей, которые ни в чем не виноваты. Ладно, моя вина, я умудрилась дать свой номер домашнего телефона. Придется отдуваться самой. Приведем себя в относительный порядок и подождем, как будут развиваться события.

Алёна накинула халат поверх шелковой пижамы и пошла умываться. Когда в квартире раздался звонок, она уже приводила в порядок волосы, которые совершенно не хотели лежать так, как требовала хозяйка. Эта борьба происходила каждый раз, когда вымытые вечером волосы не были сразу причесаны или уложены в надлежащую прическу. Черные локоны постоянно доставляли ей хлопоты в самые неподходящие моменты. Обреченно положив расческу на полочку под зеркалом, она услышала повторную трель дверного звонка. Когда Алёна подошла к двери, звон повторился уже в более требовательной манере. В дверной глазок никого не было видно, но так как посетитель предупредил о своем приходе, ей пришлось повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь.

—

Ладно, по утрам воры не работают. Проходите, раз пришли, – заключила девушка. – Ведь в противном случае вы разбудите весь дом? Я правильно понимаю? А мне жалко беспокоить людей в столь ранний час выходного дня, хотя лично меня, видимо, абсолютно никому не жаль.

Алёна внимательно стала рассматривать утреннего посетителя и поймала себя на мысли, что она совершенно не может вспомнить, откуда она его знает. Ситуация была более, чем абсурдная. Молодой человек двадцати восьми-тридцати лет молча слушал ее ворчание и, в свою очередь, достаточно бесцеремонно рассматривал хозяйку квартиры. Его взгляд обжигал неприкрытые одеждой участки кожи, и Алёна это понимала также явственно, как и то, что гость был очень высокого роста. Ей всегда нравились высокие мужчины, но в это ранний час его рост больше раздражал, чем радовал. Озорные глаза цвета молодой березовой листвы пробежали еще раз по её лицу, наряду и, наконец, остановились на глазах девушки. Алёна начала чувствовать, что щеки покрываются предательским румянцем. Краснела она всегда: и по поводу и без. Таково уж было свойство ее кожи. Очнулась она только после того, как осознала, что букет из семи бледно-розовых роз уже несколько секунд протянут к ее лицу. Гость молчал.

—

Здравствуйте. Судя по всему, вы не собираетесь помогать мне с воспоминаниями. Утруждать себя объяснениями вы также не будете? Как хотите! Сразу только хочу предупредить, я ничего не помню. И вас я тоже, как вы понимаете, не узнаю. С утра ничего не понимаю и в будние дни, а в выходные тем более. Но эти глаза я точно где-то видела. Так? Так. Значит проходите. Не пугайтесь, пожалуйста. У меня в квартире царит, скорее всего, маленький беспорядок, но на это у меня есть веские причины. И это, как вы понимаете, вас совершенно не касается. Я не собираюсь утруждать себя объяснениями. Правильно? Мы друг друга поняли?

Молодой человек молча прошел в зал, посмотрел по сторонам и сел в кресло около журнального столика. В его движениях не чувствовалось ни капли стеснения. Он действовал так, будто уже не раз бывал в ее квартире. Такое поведение Алёну немного раздражало, но выгнать незваного гостя почему-то не хотелось. Когда он повернулся к ней боком, девушка неожиданно громко и для себя и для гостя произнесла:

—

Вспомнила! Я вас вспомнила! Вы – зеленоглазый Михаил из ярко-красной машины... Мы познакомились с вами несколько дней назад. Точнее сейчас сказать не смогу, уж простите. Просто идиотизм какой-то происходит с моей памятью. Я ведь не ошибаюсь? Но как вы нашли меня?

—

Вот это прием! Даже сказать нечего! Все слова я теперь растерял окончательно, и попытка вспомнить обречена на провал. Мне нужно собраться с мыслями, но придется без подготовки. Как вам такое объяснение?! Случайно сталкиваешься с красавицей, набираешься смелости – знакомишься, предлагаешь встретиться еще раз, получаешь положительный ответ и даже номер домашнего телефона в придачу, успеваешь подсунуть собственную визитку, а потом... Целую неделю ждешь звонка. Гипнотизируешь телефон, ходишь на место первой случайной

встречи каждый день, как полный идиот. Как юнец! Перебираешь в голове все возможные варианты сложившейся ситуации. Снова набираешься смелости и звонишь утром, днем, вечером. Результатов, как вы понимаете, никаких. Наконец, по номеру телефона находишь адрес и, предварительно позвонив, убеждаешься, что ее квартира пуста, приходишь к неуловимой незнакомке. По два-три часа караулишь около подъезда. И тут! Приехали! После очередного звонка, который, на удивление, заканчивается коротким разговором, вас встречают, открывают дверь, но не помнят. Хорошо еще, что узнают глаза! Хотя могу поклясться, что при первой встрече вы заметили не только их! Если быть точнее и правдивее, вы рассматривали меня очень даже откровенно. С головы до ботинок! По крайней мере, мне так показалось. Глаза горели не только у меня. Ваши тоже блестели! Я не мог ошибиться на этот счет! А вы меня вспомнили по глазам или все-таки по цвету машины? Это так, просто вопрос.

—

Какой ужас! Мне стыдно. Очень стыдно. Некоторые ваши высказывания и вопросы я все-таки пропущу мимо ушей. Но я совершенно обо всем забыла. Поверьте, у меня была причина, которая не позволила мне встретиться с вами и даже позвонить. В последние дни моя голова была занята совершенно иными проблемами.

—

Я с удовольствием выслушаю ваши объяснения. Можете поверить, во мне еще кипит маленький котелок обиды. И я начинаю сомневаться, стоит ли мне тушить огонь своего возмущения. Но для начала освободите меня от этого букета. Я думаю, ему не помешают несколько капель холодной воды в хрустальной вазе. Ваза ведь имеется? И еще, можете забрать свой блокнот. Его, в смысле блокнот, вы, видимо, обронили в моей машине. Или вы это сделали специально? Я его почти не читал.

—

Это не тот поступок, который мог бы вас украсить. И много вы вынесли информации из моей записной книжки, когда почти его не читали?

—

Не волнуйтесь. Хотя! Я знаю, что уже неделю вас не было на работе. Вы взяли отпуск за свой счет. У вас что-то личное, но никто не знает подробностей. Вот и все. В общем-то, я решил позвонить только на вашу работу. Друзья и родственники у вас никак не обозначены. Боялся кого-нибудь испугать личными вопросами. Я ведь даже начал сомневаться в том, что вы свободная женщина, в смысле, без мужа. Признаюсь, я пытался наводящими вопросами выяснить о вас хоть какие-нибудь биографические данные, но... На вашей работе сотрудники очень бдительные и проницательно осторожные.

—

Великолепно. Думаю, для начала мы выяснили достаточно. Значит, я все-таки не ошиблась в Екатерине несколько лет назад. Это мне даже как-то льстит. Приятно, черт возьми! Так... Себя я уже похвалила... Теперь о вас. Пойдемте пить кофе и спасать от жажды эти прекрасные нежные цветы. За них, кстати, огромное спасибо. Мне они очень нравятся.

Так как во время разговора девушка продолжала стоять, она просто развернулась и пошла на кухню. Букет роз продолжал колыхаться в руках гостя. Понимая, что Алёна не вернется за цветами, Михаил встал с кресла и проследовал за хозяйкой. Там его ждала хрустальная ваза с холодной водой. Как только розы получили свое место, молодой человек вернулся в прихожую, чтобы снять зимнее пальто. Он прекрасно осознавал, что по многим причинам хозяйка могла себя вести подобным образом. Нужно было принять ее игру поведения и вести себя естественно в сложившихся обстоятельствах. Когда он вернулся на кухню, девушка варила кофе в турке. Он заметил, что ее движения несколько напряженны. Складывалось ощущение, что она испытывает сильное смущение и никак не может выбрать манеру поведения. Тишину нару-

шило шуршание пакета, принесенного Михаилом из прихожей. Девушка оглянулась и, ничего не произнеся, продолжила свое занятие. Молодой человек остался стоять в проходе.

–

Вы сможете простить меня за мое поведение? Я сегодня не самая радушная хозяйка, – неожиданно произнесла Алёна, уже разливая кофе по чашкам. – Надеюсь, что в холодильнике еще остались сливки, а в шкафу какое-нибудь печенье. Можно ведь попытаться позавтракать и в таких условиях. Между прочим, что это у вас за сюрприз?

–

Это не совсем сюрприз. Это запас продуктов на случай осады вашей квартиры. Давайте попытаемся начать все более спокойно еще раз. Я ведь терпеливый, если вы заметили. Для начала, разрешите представиться. Сделаем вид, что мы видим друг друга в первый раз? Я – Михаил.

–

Алёна. Хотя это вам и так известно. А не слишком ли я необычно выгляжу для первой встречи?

–

Вы очаровательно смотрите. Эта легкая растрепанность вам очень даже к лицу.

–

Тогда последнее и решающее заявление: как вы знаете, я не жила дома около недели, последние крохи доела вчера вечером. В общем, есть нечего. Больше мне сообщить вам уже нечего, кажется. Я – плохая хозяйка.

–

А вот для этого и существует этот пакет. Я, почему-то предполагал, что у вас в холодильнике кто-то повесился. Вы уж не обижайтесь!

Молодой человек стал выкладывать на стол принесенные продукты. Первое, что Алёна схватила из постепенно появляющейся горки, была плитка белого шоколада с фундуком.

–

Как вы заметили, я прикупил кое-что к столу. Если позволите, конечно.

–

Вы просто чудо, а не человек. Просто подарок судьбы! Все знаете, все предвидите. Только не пугайтесь, пожалуйста, я ни на что не намекаю. Но есть маленький вопрос: вы разведчик?

Она медленно развернула плитку шоколада, отломил уголок и, в ожидании ответа, начала медленно грызть сладость передними зубами. Эту привычку многие годы она пыталась искоренить, но так шоколад и шоколадные конфеты казались ей намного вкуснее.

–

Да, но это пока должно оставаться в секрете. Я – агент 007. Но кроме вас об этом никто не должен знать. Вы же понимаете, что все это секретно? Договорились?

–

Этого не может быть! Агента-007 я знаю в лицо, так уж получилось, что я с ним знакома лично. И он никак на вас не похож.

–

Вот как? Ладно, тогда я просто шеф-повар, но тогда номер один. Я даже нескромно считаю, что я – один из немногих профессионалов в своей области. Не скромно?

–

Да что уж там. Разве я могу в чем-то сомневаться в отношении вас? По крайней мере, не сегодня. Хотя ваше заявление, действительно, слишком нескромно и самонадеянно, но каждый человек имеет право жить в своих иллюзиях. Зато данное утро подтверждает лишь то, что лично я – плохая хозяйка, да и повар из меня никудышный, раз в моем доме не нашлось

банального завтрака для гостя, упавшего как снег на голову. Но меня удивляет другое! Я впервые вижу живого шеф-повара!

–

Интересное замечание! А мертвых шеф-поваров вы часто видите? На сколько мне известно, вы – не патологоанатом, да и не врач. Может мне стоит уже вас опасаться?

–

Да ну вас! Мне, правда, стало очень интересно. Мужчина – шеф-повар, царь на кухне. Как же мне это нравится! Я могу сразу предупредить, что даже при наличии продуктов в моем доме, вы никогда не уловите потрясающих и зовущих ароматов готовой пищи. Хотя, коронное блюдо у меня все же есть.

–

Только, надеюсь, это не яичница и не макароны по-флотски?

–

Зачем же принижать мои способности? Не все так плохо, как может показаться на первый взгляд. Яичницу и макароны я могу приготовить в любое время суток и чуть ли не закрытыми глазами... А коронное у меня – паэлья. И еще я могу приготовить очень вкусные пироги с сыром и картошкой. Так что не так уж все и запущенно. Удивительно, что изначально я так испугалась и принизила свои таланты кулинара.

И тут она услышала легкое шипение. Алёна повернулась к плите, где готовила вторую порцию кофе, но было поздно. Пенка медленно перебралась через край турки и уже стекала на языки пламени. Девушка, не задумываясь о последствиях, схватила турку за ручку, поставила ее на стол и только потом почувствовала боль. Она смогла сдержать крик, прикусила губу, включила холодную воду и сунула под струю обожженные пальцы. Забыв о госте, она почувствовала себя маленькой девочкой, которую поставили в угол за порванные колготки и даже не пожалели её разбитые коленки. Она уже была готова заплакать, когда услышала за спиной голос Михаила:

–

По-моему, вы еще недостаточно проснулись.

–

В этом вы виноваты, – буркнула девушка и посмотрела на спасенный такими жертвами кофе. – Скажите теперь, что я даже кофе приготовить не могу? Можете начинать свои ехидные замечания, только, когда закончите, захлопните за собой дверь. Я уже устала! И заберите свои продукты, я уж не умру с голода, можете мне поверить.

–

Я совершенно не собираюсь ехидничать. Просто вы действительно, еще не проснулись окончательно, поэтому не полностью контролируете свои движения. Да, и я вас отвлекаю. И все-таки, разрешите мне приготовить вам завтрак, а сами пока можете переодеться. Судя по всему, вы промокли, пока спасали пальцы. И позвольте мне все-таки остаться. Впредь постараюсь уберечь вас от травм и ожогов.

–

Как хотите. Мне уже все равно. Я устала, я хочу спать. Можете распоряжаться здесь, по крайней мере, сейчас. Вы все равно уже лишили меня сна, частично – здоровья и душевного спокойствия. Делайте, что хотите. А я, действительно, пойду переодеться. Сколько же проблем от вас! Удивительно!

Михаил подумал перевести все в более шутливую форму, но понял, что в данную секунду лучше промолчать. Он вдруг осознал, что у его новой знакомой, видимо, была очень тяжелая неделя. Он ворвался в ее жизнь, нарушил какой-то определенный, ведомый только ей, порядок вещей. Он ведь, по сути, совершенно не знает эту девушку. Круги под глазами, дрожание рук явно свидетельствовали о том, что несколько бессонных ночей их хозяйка провела не в

развлечений и отдыхе. И веселиться ей сейчас хотелось бы меньше всего, хотя она и пыталась воспринимать его появление максимально адекватно для данной ситуации. Но просить прощения пока было не время. Сейчас ей нужно было остыть, успокоиться, поэтому он дождался, когда девушка повернется к нему спиной и направится в комнату.

Алёна вышла из кухни и направилась в свою спальню. Ей стало очень неудобно от всей этой кутерьмы. К усталости и плохому настроению прибавилась боль обожженной руки. А тут еще этот тип. Она ругала себя за то, что не смогла послать его ко всем чертям по телефону, не смогла прогнать его с порога квартиры. Хотя надо отдать должное, тип-то симпатичный. Просто как-то не очень вовремя. Алёна прекрасно уже поняла манеру поведения гостя и осознала, что он самостоятельно не уйдет, пока не выполнит все то, что запланировал. А в том, что у Михаила припасен план, девушка не сомневалась. Она сняла халат и пижаму, в чем умудрилась встретить Михаила, надела джинсы, водолазку и пушистый белый свитер, который ей подарила мама почти год назад. В этом свитере она всегда чувствовала себя увереннее и смелее. Обычно, белый цвет вызывал у нее бессознательное отторжение: слишком маркий, слишком офисный, слишком официальный. Но подарок мамы почему-то сразу привлек ее внимание, и Алёне пришлось отнестись к нему благосклонно с первого момента и привязаться к вещи позднее.

Для того, чтобы оттянуть момент возвращения к гостю, Алёна решила привести в порядок не только свой внешний вид, но и прибраться в спальне. Медленно стянув одеяло и покрывало с кровати, она тщательно расправила все складочки на простыне, взбила подушки. Одеяло заняло немного больше времени. У Алёны была своя собственная технология его укладки. Для начала, одеяло укладывалось свернутым в четыре раза прямоугольником в изголовье кровати. Затем уже оно расправлялось во всю длину. Такая же процедура повторилась и с покрывалом. Оценив результаты своего труда, Алёна решила, что теперь может заняться и своим собственным внешним видом. Сев напротив зеркала, она, для начала, протерла лицо тоником, затониrowала слишком яркие синяки под глазами, затем подкрасила тушью глаза и подвела коротенькие стрелочки.

Еще сидя перед зеркалом, Алёна почувствовала, что постепенно успокаивается. Зато совесть начала медленно подползать к окончательно проснувшемуся разуму, что бы впиться в него своими маленькими, но острыми зубками

– Нельзя вести себя как ребенок! Это совершенно неприемлемо ни в данной ситуации, ни в какой-либо иной. Я – взрослая и самостоятельная женщина должна всегда себя контролировать. И за что, собственно, я Михаила обидела? Ни за что. Совершенно незаслуженно. Ну, или почти незаслуженно. Хотя он все равно ни в чем не виноват. Какого черта я на него накинулась. Хамка какая-то. Невоспитанная, грубая хамка. Мне должно быть стыдно. Да, мне и так стыдно до чертиков. Даже выходить из комнаты не хочется. Хочется спрятаться под одеяло и дожидаться, что он все-таки исчезнет из моей квартиры и жизни. Но это, опять же, поведение маленького капризного ребенка. Жуть. Надо уже идти, надо бы извиниться.

Оценив свой макияж на четверочку по пятибалльной системе, девушка добавила пару капель любимых духов на мочки ушей и вышла из спальни. Прятаться дольше все равно было бы слишком глупо. Когда она вернулась на кухню, Михаил заканчивал делать маленькие бутербродики с сыром, огурцами и зеленью. На канале они были похожи очень отдаленно: размеры бутербродов не позволяли именовать их по-французски. На столе уже стояли два стакана сока, маленькие гренки из черного хлеба и тарелка с фруктами. Все это непрошенный гость принес с собой.

–

Неужели меня так долго не было? – спросила девушка, присаживаясь к столу, – никогда не считала себя копушей. Видимо, вы мастер своего дела.

–

Ну, вот вы и пришли в себя. Прекрасно выглядите, вам очень идет белый цвет. Готовы к приему пищи? Такой легкий завтрак подойдет?

–

Конечно. Всегда готова поесть. Это занятие меня часто привлекает, особенно по утрам. Что бы я без вас делала сегодня, просто не представляю? Хотя... Нет, прекрасно представляю. Я бы проснулась ближе к обеду, понежилась бы в ванне. Потом нашла бы какие-нибудь консервы, рыбку какую-нибудь... Думаю, они где-нибудь еще сохранились. Посмотрела бы телевизор и съездила бы к знакомым. Как-то так. А может быть и нет... Теперь уже не узнать.

–

Спали бы, это точнее. Вы же сами сказали, что я вас разбудил. За это я прошу у вас прощения. Мне действительно очень неловко, что я ворвался в вашу жизнь так беспардонно. За мной такого не водилось раньше, если вы сможете теперь в это поверить. Вы – исключительный случай. У меня есть лишь одно оправдание, которое можно благосклонно принять: мне очень хотелось вас увидеть. Вы сможете простить меня?

–

Конечно, я могла бы вам сейчас соврать и сказать, что не верю вашему ни одному слову, но интуиция мне подсказывает, что вы не обманывает. И просить прощения должна я. Просить прощения за свои слова и за свое поведение. Я понимаю, что это было недостойно, где-то даже смешно. Если я правильно понимаю вашу ухмылку. И в знак возможного примирения: давайте все-таки на «ты»? Мы ведь уже встречаемся не в первый раз, как я понимаю?

–

Какие проблемы?! Заметано! Закрываем тему прощений и извинений, и закрепляем это моим приглашением тебя на скромный завтрак. Глоток сока или сразу кофе? Хотя для этого торжественного момента больше подошло бы белое, легкое вино, но это моя оплошность. Хотя пить с утра – это не очень верно. Правильно? Как ты думаешь?

–

Вполне с тобой согласна. Пить в такое время суток даже вино я могу только на отдыхе. Поэтому обойдемся чашечкой кофе. Хочу кофе и сок, все сразу, но не перемешивая.

Михаил улыбнулся, аккуратно разлил свежий кофе по чашкам и сел напротив хозяйки. Алёна подняла свою чашку с кофе, приглашая собеседника к чоканью. Молодой человек с радостью включился в игру, завершил церемонию знакомства и засмеялся. Девушка сделала глоток кофе и уже собиралась выпить сок, как почувствовала себя очень неудобно в собственной квартире. Мысли забегали, мышцы напряглись так, что ей было трудно убрать пальцы с чашки кофе. Ведь, по сути, она почти ничего не знала о своем утреннем госте, который продолжал улыбаться каким-то своим мыслям. Совершенно чужой человек ворвался в ее квартиру, распорядился на ее кухне, готовил кофе на ее плите. «А кто может утверждать, что в напитке нет снотворного или яда? Мало ли? Что я о нем знаю? Только то, что его зовут Михаил, и то, с его же слов. Не очень-то много. Даже маловато как-то. Может, стоит кому-нибудь позвонить? Ната...» Алёна вовремя прервала ход своих мыслей. Перемена настроения не ускользнула от Михаила:

– Я сделал что-то не так? Что вызвало у тебя такое напряжение? Несмотря на то, что ты не выспалась, я не успеваю за твоими перепадами. У меня возникает ощущение, что сейчас тебе хочется ударить меня сковородой по голове. Признайся, ты об этом думала?

– Почти. Я просто попыталась представить себе, как мы с тобой смотримся со стороны. Сидят двое в девять часов утра на кухне и пьют почти на брудершафт кофе. Нам с тобой только осталось еще раз назвать свои имена. Тогда будет окончательно все это похоже на бред сумасшедшего.

Алёна попыталась собраться с мыслями, сделала глоток.

–

Понимаешь, неделя у меня была не самая легкая и далеко не самая веселая. За последние дни я впервые могу спокойно сидеть и пить кофе, и не для того, чтобы не уснуть. А наслаждаться этим напитком. Никуда не торопиться, ни о чем не беспокоиться. Я перестала адекватно мыслить. Мне, кажется, что я немного отвыкла от такой жизни. Да и изменилось теперь многое. И девяти еще нет...

—

Возможно, я все-таки зря пришел? Может тебе сейчас лучше побыть одной? Я ведь до сих пор ничего не знаю о тебе. А тебе совершенно ничего неизвестно обо мне. Я сейчас наблюдал за твоим выражением лица. Мне кажется, я могу пересказать их тебе. Ты ведь размышляла о том, что здесь делает этот субъект с улицы? Зачем япустила его в свой дом? Ведь так? Только не криви душой!

—

Нет-нет. Ты совершенно прав. Я признаюсь, что такие мысли до сих пор вертятся в моей голове. И сейчас я очень хорошо понимаю, что у тебя должно сложиться совершенно искаженное впечатление обо мне. В это, конечно, трудно поверить, но я – нормальный человек. Со здоровой психикой, с адекватными реакциями. У меня есть какое-то чувство юмора, как говорят мои друзья, главное вовремя привлечь мое внимание, чтобы я не уходила в себя. Поэтому в моем обществе никто не рассказывает длинных, затяжных анекдотов. Я потеряю суть уже после второго предложения.

—

Но в какой-то момент твое выражение лица изменилось так, будто ты приведение увидела.

—

Я не верю в приведений. Просто я не привыкла еще к одним... к одной мысли. Я подумала о человеке, который теперь слишком далеко, чтобы услышать меня. Ты же сам понял, что периодически я смотрю на тебя как на угрозу. А если что-то пугает, хочется кому-нибудь позвонить. Вот только этого теперь сделать не получится. И еще осознала, что другому хорошему человеку будет тяжело сегодня проснуться. Могу предположить, что ему этого совершенно не хочется, и не оттого, что он устал или не спал несколько дней. С одной стороны, мне очень хочется, чтобы его сон длился дольше сегодня, а с другой стороны – жизнь есть жизнь. Надеюсь, что я не права. Но надежда моя слишком хрупкая и слабая.

—

Ты не хочешь рассказать более подробно об этом молодом человеке? Ведь это молодой человек, если я правильно понимаю? Это твой очень близкий друг? Мне кажется, что если ты попытаешься внести в свои сумбурные размышления хоть какой-то, маломальский порядок, станет проще. А я постараюсь тебя понять.

Алена внимательно посмотрела на утреннего гостя. Ей казалось, что если приглядеться к нему более пристально, то можно будет уловить в его словах какую-нибудь ложь. Но ничего не происходило. В его глазах она видела только искреннюю напряженность с нотками беспокойства или ревности. Точнее определить было невозможно.

—

Да. Это очень близкий друг. Но он – не мой возлюбленный, не герой моего романа, если тебя это интересует. Судя по глазам – интересует. Он – муж моей подруги детства. Сразу хочу внести ясность. Наверное, стоит начать с самого начала. На этой неделе я узнала о смерти своей единственной подруги. Мы были знакомы с ней с детства, любили друг друга как сестры. А может быть и больше. Мне сообщили, что её больше нет среди живых. Она очень долго болела, поэтому это не было неожиданным сообщением, только к таким вещам всегда очень сложно подготовиться. Я думаю, что к таким новостям вообще нельзя привыкнуть. Да, я и не старалась. До последнего момента надеялась, что она справится. Что все изменится к лучшему. А когда

мне рано утром позвонили и пригласили приехать в больницу, тогда впервые осознала, что Наташа не позвонит, не придет в гости. Потом были бесконечные бумаги, чужие лица, похороны, черные платки, плачущие родственники и близкие друзья. Это длилось не так долго по времени, но, мне еще вчера казалось, что прошла вечность. Мы дружили с Наташей с детского сада. Вместе учились в школе, в институте. Вчера вечером, когда я засыпала, то очень надеялась, что моя усталость пройдет или ослабнет. Я очень утомилась от всего этого, ты уж прости меня. Я достаточно веселый человек обычно, подвижный. Я никогда не была одна в такие моменты. Не знала, куда нужно идти. Не знала, куда звонить. Не знала и не могла сказать ее родному отцу и ее мужу то, что их любимая дочь и жена больше не вернется. Я ничего не знала. Да и моментов таких в моей жизни не было. Мне не надо было быть такой сильной, особенно в одиночку, как на этой недели. У меня не было времени поплакать, расслабиться. Больше приходилось успокаивать других, приводить в адекватное состояние, возвращать в реальность. Я очень боялась и боюсь, что теперь на мне будет клеймо вестницы смерти. Я очень много говорю. Прости меня за то, что я тебе это все рассказываю. Я не любитель длительных монологов. Просто у меня с тормозами на эмоциональном уровне совсем плохо стало.

—

За что ты просишь прощения? Не стоит извиняться. Любой человек имеет право на то, чтобы выговориться! У тебя все это время просто не было возможности с кем-нибудь поговорить! И меня не было рядом. Мне очень жаль, что я не знал твоей подруги. Жаль, что о ней я узнал так поздно. Жаль, что я не смогу поговорить с ней о тебе. Ведь друзья всегда могут рассказать о человеке нечто такое, что никто из знакомых не знает или не замечает. Мне жаль, что меня не было рядом с тобой в эти дни. Но, может быть, когда-нибудь ты мне расскажешь о ней? Я смогу познакомиться с ней через твои воспоминания. А где сейчас ее муж? Как он?

—

Федя – муж Наташи. Когда они с ним поженились, мы многие вещи делали вместе. Он смог со временем понять, что я и Наташа не можем находиться вдали друг от друга. Наше общение было необходимостью. Хотя бы раз в две недели мы устраивали вечерние девичники в этой квартире. И он спокойно к ним относился. Я не мешала их семейной жизни, это признавал даже он, в меру ревнивый человек. У нас все было как-то гармонично и уравновешенно. Вот и все. Мне больше нечего рассказывать. Я не хочу больше ничего говорить о Федоре и Наташе. Я не могу еще все это осознать. А сейчас он у себя дома. И с ним его родители. Я верю, что все будет хорошо.

Алёна сделала большой глоток остывающего кофе. Михаил смотрел на свою новую знакомую с испугом и нежностью. Он боялся, что их отношения могут умереть на корню, так как его желание ее увидеть совпало с наиболее тяжелым периодом жизни Алены. Он переживал, что обстоятельства разведут их раньше, чем они смогут узнать друг друга лучше. Михаил чувствовал, что именно эта женщина должна быть рядом с ним. Он еще не мог сказать, как долго продлились бы их отношения, но то, что такая женщина должна быть в его жизни, он не сомневался ни секунды. Алёна попыталась улыбнуться собеседнику, но это выглядело не очень убедительно.

—

Ну а теперь давай поговорим о нас, то есть о тебе. Прости. Мне хочется, с опозданием правда, тебе признаться, что я очень рада тебя видеть. Ты смог вернуть меня в реальность. Я только сейчас поняла, что жизнь продолжается. Такая встряска мне была необходима, хотя не так скоро, я думаю. Но жизнь есть жизнь. Что-то происходит быстро, что-то медленно. Я начала собираться с мыслями. Это благодаря тебе. И за это я говорю тебе искреннее спасибо. Так что еще раз говорю тебе: «Спасибо огромное за твой неожиданный, но приятный визит». А теперь, давай допьем кофе?

—

За всю неделю ты ни разу не заплакала?

–

Нет, думаю, что пока не время. И согласишься, было бы странно, если бы я сейчас разрыдалась.

–

Но когда человек плачет, что-то в его душе освобождается...

–

Не сегодня. Спасибо, конечно, за предложение, но давай просто выпьем кофе и завершим этот разговор.

Все остальное время они молча завтракали. Михаил старался не мешать девушке, которая, как он видел, по-прежнему мыслями была далеко. Она думала о Федоре, о его родителях, об отце Наташи, о новой жизни. Теперь он частично мог понять ее состояние. Наконец, Алёна вернулась в реальность и встала, чтобы вымыть посуду.

–

Чем ты собиралась заниматься сегодня? Может быть, я могу что-то предложить?

–

Я же говорила, что до четырех часов у меня не было планов. И не скрывала, что часов до двенадцати я собиралась спать. А что ты можешь предложить? Сейчас я чувствую в себе силы на какую-нибудь прогулку. Я слушаю.

–

Я как раз хотел предложить совершить загородную вылазку. Свежий воздух всегда очень полезен людям. В любой ситуации. Природа обладает великой силой восстановления нашего эмоционального дисбаланса. В три часа я обещаю доставить тебя туда, куда пожелаешь.

–

Я согласна, – тихо произнесла Алёна и включила наконец-то воду для того, чтобы ополоснуть грязную посуду.

Глава 7

– Мне нужно одеться очень-очень тепло или будет достаточно куртки? – спросила Алёна, вытирая последнюю кофейную чашку.

– Не стоит утепляться по полной программе. Я же не горю желанием заморозить свою новую прекрасную знакомую. Ты и так была неуволима как снежинка в руках. От тебя остался след, но тебя мне пришлось долго искать.

Алёна улыбнулась его словам и направилась в коридор, где накинула поверх свитера легкую белую куртку. Когда они вдвоем вышли из подъезда, на улице уже во всю светило солнце, но морозный воздух старался изо всех сил запугать утренних ранних прохожих и вернуть их в уютные и теплые квартиры. Алёна порадовалась тому, что догадалась взять солнечные очки, и, одев их, осмотрелась во дворе. Рядом со вторым подъездом соседнего дома стояла ярко-красная машина, которая на солнце казалась ей костром.

– Эффектная у тебя машина. Просто нет слов.

– Это просто средство передвижения. А то, что она такая яркая – это, видимо, моя ошибка. Могу даже сразу объяснить и предупредить: я – дальтоник. Для меня эта машина выглядит несколько иначе, как ты понимаешь. Но я надеюсь, что тебя не пугает ее цвет? Может, ты считаешь, что стоит ее поменять или перекрасить?

– Нет. Что ты говоришь? Мне она очень даже нравится. Хотя могу признаться, я бы никогда не купила себе машину такого цвета. Всегда очень боюсь выделиться. Я и в жизни стараюсь не очень сильно привлекать к себе внимания, хотя не всегда, надо сказать, это у меня удачно получается. Мне иногда даже кажется, что я боюсь стать заметнее той, которой являюсь на самом деле. И никакой самоанализ не позволяет мне пока разобраться в причинах такого поведения.

– Ты не похожа на женщину, которая боится быть на виду. Я плохо представляю, что у тебя может такое получаться. Каждый человек должен занимать свою нишу, а как при этом он будет ярко светить, зависит от его внутреннего состояния. И поверь, если кто-то говорит тебе, что ты слишком выделяешься, это только зависть. Или что-то конкретное тебя пугает?

– Миша, если мы сейчас обсудим все наши плюсы и минусы, то о чем же мы будем беседовать весь день? И для первой нашей встречи мы выбрали слишком глобальную тему, мне кажется. Давай все-таки сядем в машину и отправимся туда, куда ты хотел меня отвезти.

– Прости. Я, видимо, веду себя немного глупо. Конечно, садись. Но только я все равно позволю себе заметить, что меня радуют твои слова про первую встречу. Значит, вторая и последующие встречи вполне вероятны? Я правильно понял?

– Я скоро начну контролировать каждое свое слово. Хотя... Я тоже надеюсь, что у нас с тобой будет еще ни одна встреча.

Михаил отключил сигнализацию у машины и открыл дверцу перед Алёной. Оказавшись в этом просторном салоне во второй раз в жизни, девушка почувствовала себя так, будто каждый день ее возили на ней и на работу, и на отдых, и на вечерние прогулки. Все происходило быстро и стремительно. Иногда у нее возникало желание свернуть с этого трамплина, ускоряющего новое знакомство, но такое поведение могло навсегда оттолкнуть Михаила. А прощаться с ним пока не хотелось. Она чувствовала себя очень уютно и уверенно рядом с ним. И даже то, что они в самом начале их общения слегка сталкивались в словесных перепалках, нравилось ей.

Молодой человек тем временем обошел машину и сел на место водителя. Мотор завелся легко и почти беззвучно. Алёна посмотрела на окна своей квартиры и пожалела о том, что не открыла форточку для проветривания на кухне. Эту привычку она приобрела еще в детстве, когда отец надоедал ей нравоучениями о том, что свежий морозный воздух очень благотворно

влияет на человеческий организм особенно во время принятия пищи. Где он это вычитал, ей было неизвестно, но с возрастом она спокойно приняла эту мысль как аксиому.

Благодаря тому, что время выезда было очень ранним, они легко преодолели дороги города и выехали на пригородное шоссе. Редкие березовые рощицы придавали дороге черно-белую окраску. Иногда это мелькание заставляло Алёну отворачиваться от картин окрестности, и тогда она украдкой рассматривала своего нового знакомого. Резкие черты лица свидетельствовали о твердом характере владельца. Но легкая ямочка на правой щеке говорила о том, что даже в этом стальном характере можно найти нечто нежное. В какой-то момент времени ей захотелось даже попросить его повернуться, чтобы убедиться, что и на левой щеке есть такая же привлекающая внимание ямочка. Но молодой человек внимательно следил за дорогой, а отвлекать водителя во время движения Алёна опасалась. Девушка прекрасно видела, что Михаил, как и она, испытывает какое-то легкое чувство неловкости в замкнутом пространстве салона. Время от времени молодой человек щурил глаза и тогда напоминал маленького лисенка, который впервые самостоятельно вышел на охоту. Что-то в этом движении было беззащитное и наивное.

«Интересно, можно ли назвать нашу сегодняшнюю встречу первым свиданием?» – подумала Алёна и снова стала разглядывать деревья. Ей казалось, что аллеи расступаются перед машиной, пропуская их в сказочное заснеженное пространство. Чем дальше они отъезжали от города, тем выше становились сугробы на обочинах. Временами из окна машины нельзя было увидеть ни бесконечных белых полей, ни тонких стволов берез. Все начинало сливаться в одну бесконечную стену. Возникало ощущение, что они въехали в узкий белый туннель с высоким голубым сводом, на котором кто-то мастерски спроектировал движение облаков, легких и прозрачных.

Спустя час машина въехала во двор маленькой придорожной кофейни. Около крыльца питейного заведения были посажены декоративные хвойные деревья, которые обращали на себя внимание необычной голубоватой окраской.

– Всегда восхищаюсь деревьями, которые имеют отличный от зеленого цвет. Почему-то сразу вспоминаются занятия по биологии: хлорофилл, влияние солнечного цвета. Правда, интересно?

– Никогда не задумывался над этим. Некоторые вещи я предпочитаю воспринимать именно такими, какими они являются на самом деле. А точнее сказать так, как о них говорят другие люди. В силу обстоятельств наше цветовое впечатление с тобой различно. Красный – значит красный, черный – значит черный. Я стараюсь запоминать не сами цвета, а предметы. И если честно, но я никогда не обращал внимания на цвет этих деревьев. Но я готов принять твоё мнение, что разнообразие в природе – радует взгляд. Хотя должен тебя предупредить, что с красным, как я говорил ранее, и некоторыми другими цветами испытываю определенные трудности. По жизни мне не хватает пары-тройки свободных минут. Именно поэтому я не задумывался над тем, что здесь растёт. А так как я этого не видел, то и не задумался ни разу над тем, что за цветовое ощущение может подарить такое созерцание. Все время всегда распланировано и осмысленно. Хотя мое поведение в отношении тебя явно свидетельствует об обратном. Ведь так?

– Не знаю. Иногда ты выражаешь свои мысли так витиевато, что я даже теряюсь. Я постараюсь более спокойно реагировать на цвета. Но в любом случае, ты же можешь отрицать того, что от этих деревьев к нам простирается необъяснимое тепло? Ведь ты тоже это чувствуешь, когда смотришь на них. Скажи, что да! Пожалуйста! А то мне будет казаться, что я тебя обижаю своими неосторожными высказываниями.

– Мне придется согласиться с тобой. Хотя я не смог бы описать своего восприятия от этих растений. Но я буду стараться смотреть на такие вещи твоими глазами. Ты разрешишь мне использовать тебя? А точнее, твои цветовые восприятия?

– Ладно, пользуйся. Только не очень нагло! – с улыбкой произнесла Алёна, – А что касается твоего ощущения времени, то мне трудно охарактеризовать его. Я не могу знать, чем и как ты живешь обычно. И причина этого только одна: мы слишком мало знаем друг о друге. Возможно, у нас будет время понять многие вещи. А теперь, не пора ли нам выйти все-таки из машины и размять косточки? Я уже жажду осмотреться здесь. Я никогда не была в этом районе.

– Ты права. Совершенно с тобой согласен. Никогда не думал, что могу быть таким болтуном. Это явно твое тлетворное влияние.

– Здравствуйте, теперь я виновата в том, что ты – болтун. Я не могу быть причиной этого. Мое влияние на тебя не может распространяться столь обширно. Я просто не могу так быстро и отрицательно на кого-либо повлиять.

– Так, значит, ты думаешь, что это мой недостаток?

– Не надо меня передергивать!

– Да ладно тебе! Шучу я!

– Да понимаю я! Понимаю! Пошли уже!

Михаил вышел из машины, обошел ее спереди для того, чтобы помочь пассажирке, подать ей руку. Но действия Алёны были намного стремительнее. Когда он оказался на ее стороне, она уже выскочила из машины и потянулась навстречу солнцу.

– Как долго я не видела это ласкового солнца.

– Неужели все было так плохо?

– Я не могу сказать, что это было плохо, но если коротко, то это очень больно. Ты теряешься перед болью другого человека, особенно оттого, что не можешь совершенно ничем помочь. Я думаю, что человек не так много раз за свою жизнь чувствует себя так безнадежно бессильным. Именно теперь я смогла понять, что на данной планете мы – всего лишь мелкие и ничемные существа, и наше времяпрепровождение на этом свете слишком скоротечно. Природа и мировое сознание сами решают наши судьбы. А у нас в руках только иллюзия состояния «хозяин жизни».

– Мне кажется, что на данном этапе тебе просто еще очень рано делать выводы. Необходимо время...

– Миша, не надо говорить о времени сегодня. Давай просто отдохнем. Я радуюсь тому, что сегодня светит такое солнце! Я рада тому, что рядом со мной – интересный человек! Не надо говорить о времени. Просто я сама в течение последних дней много раз говорила всем близким, что время – лучший врач. Это понимают все люди на земле, но при определенных обстоятельствах, фраза начинает коробить. Лучше расскажи мне об этом заведении. Куда же мы приехали? Могу сразу тебя обрадовать, я здесь не была ни разу. Но мне здесь очень нравится! По крайней мере, первое впечатление великолепное.

– Это прекрасное и спокойное место, как мне кажется. Здесь я всегда чувствую в себе силу продолжать жить несмотря ни на что. Когда очень устаешь или сильно нервничаешь, нужно найти место, где тебе уютно и хорошо. И я смог найти это место для себя именно здесь.

– Звучит восхитительно. Надеюсь, что мне тоже понравится здесь так же, как тебе. Знаешь, мы будем наслаждаться сказочными яствами?

– Не совсем. Еда, конечно же, будет. Только немного позже. В конце концов, не так давно мы с тобой уже перекусили и достаточно не плохо. Разве не так?

– С тем, что мы уже поели, я согласна. Только я – девушка с хорошим аппетитом, и иногда позволяю себе загрузочные и неприличные дни едока. И мне кажется, что сегодня именно такой день. Но раз ты считаешь, что время поглощения вкуснятины еще не наступило, я смогу умерить свой пыл. Тогда что же мы будем делать?

– Про аппетит – очень ценное замечание. Учту на будущее. А сейчас предлагаю пройти туда, где тебе тоже должно понравиться. Ты мне доверяешь?

– Глупый вопрос, если учесть, где я нахожусь с тобой.

Алёна посмотрела на спутника и улыбнулась. С этим человеком ей было интересно разговаривать, спорить, было приятно просто смотреть на него. В его глазах она читала искренность и непривычную для себя нежность со стороны мужчины. В последнее время ей не так часто приходилось общаться с искренними представителями сильного пола. Слишком много людей погрязли в своих проблемах так глубоко, что не хотели и не могли замечать, что в мире есть другие человекоподобные существа, испытывающие невзгоды более крупного масштаба. И еще больше раздражало то, что во взглядах многих мужчин можно было увидеть пустое физическое вожделение ее тела и страх перед внутренним миром.

По природе человеческая сущность всегда строится на понимании того, что своя рубашка ближе к телу. Нельзя обвинять другого человека в том, что он стал более черствым и эгоистичным по вине обстоятельств. Да и навряд ли тот, другой, сможет это услышать. Говорить о понимании вообще не приходится. Мы все варимся в своих собственных котлах жизни, и восприятие боли ближнего способно пробить стену нашей ограниченности только под воздействием какого-то сильнейшего сотрясения сознания. И даже такие катаклизмы не всегда могут пронять некоторых людей, хотя встречаются они не так часто.

Михаил подал руку Алёне и повел в сторону от главного входа ресторанички. Когда они обошли маленький домик слева, ей показалось, что она слышит ржание и хрипы лошадей. Через минуту ее удивлению не было предела: Алёна стояла в теплой конюшне перед прекрасными скакунами. Никогда в жизни ей не приходилось стоять так близко к этим умным и красивым животным. Восхищение к данным существам она впитала в себя через изображения и фотографии, через картины великих художников и мастеров мгновенной фиксации действительности. В лошадях она видела воплощение нечто стремительного и свободного. Каждому человеку время от времени приходится жертвовать своей свободой. Алёна всегда представляла себе, что кони не способны пожертвовать своим ощущением пространства даже под угрозой смерти. Человек же ограничен множеством обстоятельств.

– Они такие грациозные, – только и смогла произнести Алёна.

– Да. Это самое близкое существо для человека. По крайней мере, я думаю, что только с ними мы способны чувствовать себя уверенными и сильными. Я так понимаю, что сегодняшняя прогулка на лошадях для тебя станет первым выездом? Твое выражение лица свидетельствует именно об этом.

– Прогулка на лошадях? Не хочешь же ты сказать, что их оседлают, и мы будем кататься?

– Нет. Их не оседлают. Ты сама выберешь себе скакуна и оседлаешь его по всем правилам. Не стоит так пугаться. Я буду тебе помогать, если такое разрешение будет получено с твоей стороны. Ты ведь не очень любишь признаваться в том, что чего-то не умеешь. Только поверь, в данных обстоятельствах я бы не советовал тебе отказываться от помощи. Во-первых, ты можешь навредить сама себе. Во-вторых, ты можешь нанести вред этим красавцам.

– Я действительно никогда не сидела верхом. Я даже признаюсь тебе, что никогда не видела их так близко. И зная свою неуклюжесть, даже боюсь за здоровье этих грациозных животных. Я же могу им повредить чего-нибудь, так? Может для первого дня будет достаточно и того, что я понаблюдаю за твоим выездом?

– В процентном содержании, причинение вреда больше грозит тебе, а не им. В любом случае, я буду рядом и проконтролирую весь процесс. Никакие отговорки не принимаются. Сегодня ты впервые прокатишься на лошади, и тогда, я просто уверен, ты не сможешь забыть обо мне. Во всяком случае, я надеюсь, ты на пару секунд больше поразмышляешь над тем, стоит ли меня бросать. Итак, ты сможешь мне довериться?

– А у меня есть выбор? И знаешь, меня иногда пугают твои слова. Давай все-таки не будем бежать впереди паровоза? Он ведь больше и сделан из более прочного сплава, чем мы.

– Это ты про паровоз? Да, этому транспортному средству трудно противостоять. Но можно найти пространство, где рельсы не проложены.

– Ты прекрасно меня понял. И выбора у меня нет.

– Выбор есть всегда. Мы можем сейчас вернуться к главному входу и спокойно поесть, либо вообще поехать обратно в город.

– Ты же прекрасно понимаешь, что я не смогу покинуть этих лошадей. Я никогда не трусила и постараюсь не спасовать и в данной ситуации. Так как нужно запрягать? Давай уже приниматься за дело.

Алёна с вызовом посмотрела на Михаила, который прошел к стене, где висели все принадлежности для упряжи.

– Какую лошадь ты выбираешь?

Девушка посмотрела по сторонам и задумалась: все животные были так красивы и спокойны, что глаза разбегались.

– Да. Самое сложное в жизни человека – это процесс выбора. Если у людей стоит выбор из двух предметов, то все решается достаточно быстро. Но если количество предлагаемого зашкаливает за три – пиши пропало. Ладно. Не буду мучить ни тебя, ни себя. Может быть этот справа? Как его зовут?

– Вообще-то я надеялся, что ты выберешь лошадь, а не коня. Может, передумаешь?

– Не надо. Я свой выбор сделала и, как говорится, коней на переправе не меняют. Показывай, что нужно делать.

– Давай в первый раз я сам это сделаю, а ты понаблюдаешь?

– Уже боишься? Ты же пару минут назад настаивал на моем самостоятельном первом опыте седлания.

– Алёна, только без обид. Просто я смогу это сделать немного быстрее, тогда мы дольше сможем покататься. А той фразой я только хотел тебя подстегнуть.

– Подстегивают обычно лошадей, кажется? Ладно, я согласна. Только тебе еще придется рассказать мне, как на лошадях сидят. В этом деле, я так понимаю, ты – не новичок.

– Вот и отлично. Пока я буду седлать наших скакунов, расскажу о некоторых основных правилах.

– Подожди, разве в первый раз я не буду сидеть на лошади вместе с тобой? Хочешь сказать, что я сразу должна буду сесть одна? Я ведь даже не знаю, как ее, извини, его остановить.

– Все будет нормально. Зачем так переживать. Тем более, если твой конь почувствует, что ты его боишься, он будет делать все, чтобы твои опасения сбылись. Ни перед одним представителем дикой природы нельзя показывать свой страх. Страх имеет свойство передаваться. Будешь бояться упасть, обязательно окажешься на земле. Эти грации любят авантюристов, но в разумных пределах. Ты должна расслабиться и почувствовать себя единым целым с конем. Все его движения должны находить отклик в твоём теле. Я не думаю, что для тебя это будет сложно. Я верю в тебя сейчас больше, чем ты сама, вероятно.

– Перспектива обрисована наглядно. И теперь я постараюсь не думать о том, как буду лететь на землю. Хотя эта картинка так и стоит перед моими глазами. Если не хочешь, чтобы я просто сбежала, лучше уже усадить меня на моего избранника. Авантюра. Чистой воды авантюра у меня с тобой выходит.

– Значит, все-таки боишься?

После последних слов нового знакомого Алёна почувствовала прилив адреналина и злости на саму себя. Она прекрасно понимала, что ничего плохого не произойдет, но все-таки испытывала определенный страх перед незнакомым занятием. В конце концов, она спокойно подумала о том, что может быть скинута с великолепной спины своего коня, но не почувствовала паники. Представила эту картину в красках. Принять тот факт, что почти посторонний человек заметил ее сомнения, она не могла и не хотела. Алёна привыкла скрывать ото всех свои страхи, опасения и сомнения.

– Нет проблем. Ты прав. Так что ты хотел мне рассказать?

Михаил обернулся и посмотрел на девушку, так как почувствовал незнакомые нотки в ее голосе, и понял, что ее, как любого нормально человека, поймал на поинт. Он совершенно не хотел задевать ее самолюбие. Все вышло совершенно непреднамеренно. Но факт оставался фактом: Алёна разозлилась и готова была сделать все, чтобы вернуть прежнюю уверенность. Привычка подначивать собеседника постоянно просыпалась в нем в самый неподходящий момент. Он уже был готов отказаться от своей затеи.

– Прости, судя по всему, я сказал что-то не то. Я не хотел тебя злить. Может быть ты права, и нам стоит вернуться к обычной жизни? Не стоит ничего мне доказывать. Да и себе тоже.

– Теперь уже поздно. Я внимательно тебя слушаю. Как его зовут? – обрубилa девушка.

– Лорд.

Алёна осмотрела кругом и увидела около входа в конюшни ведро с морковью. Обтерев одну о холщовый мешок, висевший около двери, она подошла к избраннику и медленно протянула овощ к морде животного.

– Здравствуй, Лорд. Надеюсь, ты не откажешься от морковки. Так и познакомимся...

Конь слегка фыркнул, посмотрел на руки девушки и тихо заржал.

– Я, конечно, согласна с тем, что должна была привезти что-нибудь свое, но, понимаешь ли, я не знала о нашей с тобой встрече. Прости меня за то, что не подготовилась. Возможно, в следующий раз я привезу тебе сахарку кускового. Но это при условии, что мы подружимся. Надеюсь, ты это понимаешь?

Михаил наблюдал за происходящим со стороны и удивлялся тому, сколько же в этой девушке природной решимости. Он не мог представить, как бы сам повел себя в подобной ситуации. Но он точно знал, что ни за что не догадался бы познакомиться с конем через морковь. Он бы вообще не подумал о том, что должен чем-то полакомить животное. И в свой первый выезд он ничего не предложил коню.

Тем временем Лорд внимательно смотрел в глаза девушки и постепенно приближал свою морду к желанному овощу. Осознав, что данный человеческий субъект не имеет агрессивных намерений по отношению к нему, конь поднял верхнюю губу и забрал зубами морковь.

– Вот и прекрасно!

Алёна протянула руку к морде Лорда и погладила его по щекам. Когда она обернулась на Михаила, то увидела, что новый друг напряженно наблюдает за всеми ее движениями.

– Я опять что-то не так делаю? Почему ты так смотришь?

– Просто я не ожидал, что тебе сразу же захочется покормить Лорда, – честно признался Михаил.

– Но должна же я была с ним как-нибудь познакомиться. Мои скудные знания по поводу любимых яств лошадей заканчиваются только морковью и сахаром. Это слишком банально?

– Это не банально, но ведь ты его не знаешь, да и он тебя впервые видит. Лорд мог и взбрыкнуть.

– Теперь это уже не важно. Тем более, что я все равно об этом не знала. Это, скорее всего, женская интуиция: главное накормить – позже разберемся. Все ведь прошло более-менее успешно. Не правда ли?

– Да. Успешно. Ладно, давай я тебе кое-что расскажу. Для того чтобы ощутить, как нужно правильно сидеть в седле, попробуй сначала подтянуть колени к передней луке и опуститься в самую глубокую часть седла, затем опусти ноги в низ по бокам лошади. Главное, для начала, постарайся уяснить для себя, какие части твоего тела должны соприкасаться с седлом, а какие нет. Это ты, скорее всего, почувствуешь самостоятельно. Тебе должно быть удобно. Да и Лорду тоже. Лучше проделывать это упражнение, когда лошадь стоит. В этом я тебе помогу. И еще...

– Разве это еще не все? Прекрати меня пугать. У меня такое ощущение, что я сейчас нахожусь на экзамене. Причем предмет я, естественно, не подготовила. Я ведь могу и не запомнить все сразу. Передняя лука, глубокая часть седла...

– Все ты прекрасно запомнишь. Я уже понял, что ты девушка смелая и сообразительная. Так что справишься с новой наукой легко и непринужденно. Тем более, если Лорду что-то не понравится, он найдет способ с тобой разобраться по-своему. Ладно, это все шутка.

– Твоя уверенность во мне даже пугает немного. Надеюсь только, что ты понимаешь, что делаешь. Ведь в противоположном случае, тебе до конца моих дней придется ухаживать за поврежденным человеческим телом с моим лицом.

– Все, хватит. Закончили пререкания. Обрати внимание и на сторбленную спину! Горбатые всадники делают горбатых лошадей. Это ты и сама понимаешь, судя по всему. Запомни, что конь чувствует малейшие неточности в посадке всадника и реагирует на них соответственно неправильными движениями. А неправильные движения – это что?

– Что?

– А неправильные движения – это сброс всадника. В твоём случае, всадницы.

– Так. Я все поняла. Ты страдаешь тем же заболеванием, которые свойственно и мне: ты совершенно не можешь остановиться и не язвить. Мне даже становится интересна вся ситуация.

– Какая ситуация?

– Ситуация нашего знакомства.

– Прогнозируешь? Видишь, ты и сама пытаешься прогнозировать и забегать вперед.

– Нет. Пока просто наблюдаю. Подсадишь?

Алёна подошла к Лорду с левой стороны и поставила ногу в стремя. Михаилу не оставалось ничего иного, как подсадить девушку в седло, что он с легкостью и совершил.

– Для девушки с хорошим аппетитом ты слишком легкая, как я погляжу.

– А у меня просто организм правильно организован. Мы с ним живем в полном согласии. Стараемся никогда не ссориться. Мы прокатимся на улице?

– Нет, думаю, для начала будет достаточно и крытого манежа. Лорд тебя сейчас сам ответит. Правда, Лорд?

Михаил слегка ударил коня по левому боку, и Лорд спокойным шагом направился глубину конюшен. Алёна старалась прямо держать спину, но это было достаточно сложно и болезненно. Когда конь прошел во внутренний дворик, девушка увидела большую круглую арену, засыпанную смесью песка, стружек и других неизвестных ей материалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.